

Генрих Эрлих

ЗАГАДКА

НИКОЛЫ

ТЕСЛА

НАУЧНЫЙ ДЕТЕКТИВ

*«Я мог бы расколоть
Земной Шар...»*

НИКОЛА

Рассекреченная история

Генрих Эрлих

ЗАГАДКА

НИКОЛЫ

НАУЧНЫЙ ДЕТЕКТИВ

Москва
«ЯУЗА»
«ЭКСМО»
2009

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
379

Оформление художника *П. Волкова*

Эрлих Г. В.

379 Загадка Николы Тесла. Научный детектив / Генрих Эрлих. — М. : Яуза : Эксмо, 2009. — 352 с. — (Никола Тесла. Рассекреченная история).

ISBN 978-5-898-33733-0

Его величают гением, «пророком» и «ловелителем Вселенной».

Его изобретения изменили мир и стали фундаментом современной цивилизации.

Ему приписывают невероятные открытия, способные не только очаровать, но и погубить человечество; его подозревают в причастности к чудовищной катастрофе, известной как «гладион Тунгусского метеорита», и создании поистине дьявольского оружия, страшных «лучей смерти», которые, по его собственным словам, в состоянии «расколоть Земной шар»...

Но Никола Тесла ненавидел смерть, поэтому изобрел еще и генератор «лучей жизни» — как воду живую и мертвую, как две стороны одной медали, как дорогу с двусторонним движением, пронзывающую бесчисленные миры. И в свой последний день на Земле, 7 января 1943 года, великий ученый отправил зашифрованное послание будущим поколениям.

Сможем ли мы разгадать его скрытый смысл? Сумеем ли им воспользоваться? Узнаем ли главную тайну Николы Тесла? Решим ли его загадку?

Читайте новую книгу проекта «Рассекреченная история» — первый научный детектив о гениальном изобретателе!

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-898-33733-0

© Эрлих Г. В., 2009
© ООО «Издательство «Яуза», 2009
© ООО «Издательство «Эксмо», 2009

Наследовать достоин только тот,
Кто может к жизни приложить
наследство.

И.-В. Гёте, «Фауст»,
пер. Б. Пастернака

Глава 1

Колдун с Хьюстон-стрит

Дом пользовался дурной славой. Впрочем, в округе не было домов, пользующихся доброй славой. Высокие, в пять и десять этажей здания были заняты фабриками, выросшими из ремесленных мастерских, на каждом этаже — своя фабрика, из распахнутых окон на улицы изливались шум станков и зловоние. Рабочие, сплошь итальянцы, жили тут же, в узких много квартирных домишках, свято блудя язык, традиции и любовь к обилию детей. Чуть южнее располагался китайский квартал; а западнее — тесно застроенный жилой район, заселенный преимущественно ирландцами и выходцами из стран Восточной Европы. Центром этого беспокойного мира было длинное, четырехэтажное здание из красного кирпича — главное полицейское управление. Это здание тоже пользовалось у местного населения дурной славой.

Дом, расположившийся на северной стороне Хьюстон-стрит, в двух шагах от Малбери-стрит, был ничем не примечателен до той поры, пока его верхний этаж не снял для каких-то своих нужд загадочный неизвестный. Был он очень высок, под два метра, и чрезвычайно худ, одет всегда с иголочки, неизменно, в любую погоду, в идеально чистых, светло-серых пер-

чатках, которые, похоже, шили ему на заказ, как и костюмы, потому что кисти рук и пальцы были излишне длинны даже для такого роста. Ему бы шляпу с петушиным пером и шлагу на бок, был бы вылитый Мefistoфель. Но незнакомец носил вместо этого котелок и трость. Впрочем, такая маскировка не обманула опытных итальянцев. Diabolo, говорили они и набожно крестились.

Молодые итальянцы тоже не оставили его вниманием. Как-то поздним вечером, когда незнакомец, завершив дневные труды, направлялся к центру города, они приступили к нему с обычным вопросом: «Мистер, закурить не найдется?» «Не советую, молодые люди», — сказал незнакомец на безукоризненном английском, безукоризненность которого осталась, впрочем, неоцененной. Незнакомец был абсолютно спокойен, блеск его стальных глаз соперничал с блеском лезвия ножа, который ему показали для убедительности. «Я вас предупредил», — сказал он и сделал несколько быстрых выпадов тростью, если точно, то пять, по числу молодых людей. В сумерках сверкнуло пять вспышек, в тишине улицы раздалось пять криков боли, на грязную мостовую рухнуло пять тел.

— Гордитесь, молодые люди, вы первыми познакомились с моим новым изобретением, — сказал незнакомец, — пустячок, но, как оказалось, весьма полезный в определенных обстоятельствах. Не волнуйтесь, скоро вы подниметесь и как ни в чем не бывало отправитесь домой. Всего наилучшего, — он приподнял котелок и пашел своей дорогой.

Больше его не беспокоили, предпочитая следить за ним издалека. Выяснилось много странного. Жил

незнакомец в «Уолдорф-Астории», едва ли не самом дорогом отеле Нью-Йорка, пристанище миллионеров, потомков пассажиров «Мэйфлауэра» и перебравшейся в Америку европейской знати. Незнакомец любил гулять по ночам, громко разговаривая сам с собой по-немецки и частенько поминая при этом черта, а то и обращаясь к нему напрямую. Маршрут прогулок был таков, что неизменно приводил его к собору Святого Патрика на 50-й улице или в Брайант-Парк близ Пятой авеню, на площадь перед Публичной библиотекой. Там незнакомец занимался совсем уж непотребным делом — кормил голубей, которые слетались десятками на его зов, садились ему на голову, плечи и руки и ворковали, как будто рассказывали что-то. Незнакомец, улыбаясь, тихо говорил им что-то в ответ, рассыпая при этом корм из бумажного пакета, который носил в кармане пиджака. Удивительно, но когда голуби улетали, котелок, костюм и перчатки незнакомца пребывали все в той же идеальной чистоте и порядке. Когда же незнакомец поднимался на арендованный им этаж, то вскоре оттуда начинали доноситься странные звуки, а еще чаще — вспышки неzemного света. «Он призывает дьявола», — говорили старые итальянки. «Зачем ему призывать дьявола, если он и есть дьявол?» — пожимали плечами их трезвомыслящие мужья.

После этого никого уже не удивляли шабаши, что случались на верхнем этаже чуть ли не каждую неделю. К дому, извергая клубы тошнотворного дыма, подкатывали новомодные черные дьявольские колесницы — автомобили, из них вылезали одетые в черное мужчины под руку с очаровательными полуобнажен-

ными ведьмами, входили в подъезд и возносились вверх на лифте. Именно в такие вечера вспышки не-земного света в окнах верхнего этажа были особенно яркими, и зеваки стояли часами, наблюдая за их при-чудливыми переливами. С течением времени удалось разглядеть и узнать гостей незнакомца, благо их фотографии и портреты часто появлялись на страницах газет и журналов. Джон Астор, Дж. Бивер Уэбб, Дарий Огден Миллс, Чонси Депью, Эдвард Дин Адамс, Стэнфорд Уайт, Огастес Сент-Годенс, богатейшие и известнейшие люди Америки. Вампиры, вурдалаки, упыри, кровососы, приспешники и прислужники дьявола, так говорили окрестные жители в зависимости от своей национальной принадлежности. Тут они тоже ничему не удивлялись.

В один из весенних дней 1896 года к дому приблизился немолодой, лет за шестьдесят мужчина с выбивающейся из-под шляпы гривой непослушных волос и пышными усами. Он был тут частым гостем, поэтому не затруднялся разглядыванием номеров домов, а уверенно направился к подъезду и скрылся да дверью.

— У тебя опять не работает лифт, Ник, — сказал он десятью минутами позже, входя в большую комнату, заставленную причудливыми устройствами.

— Рад тебя видеть, мой дорогой мистер Клеменс, — ответил ему очень высокий и чрезвычайно худой мужчина, спеша навстречу. — Не работает лифт? А я и не заметил. Я всегда поднимаюсь по лестнице. Знал бы о твоем визите, непременно бы исправил.

— Да, тебе для этого — только рукой махнуть, —

сказал мистер Клеменс, тяжело отдуваясь. — Старею, черт подери!

— Сил нет? Подкачаем, — сказал Ник, — позволь продемонстрировать тебе мое новое изобретение. Это пример того, как при желании можно вредное обратить в полезное. Я тебе показывал в последний твой визит мой осциллятор для выработки переменных высокочастотных токов. Помнишь, как он выбрировал? Эффект, несомненно, вредный. Но я установил, что физиологическое воздействие этих вибраций очень даже приятно и полезно во всех отношениях. Я сделал специальный небольшой механический осциллятор, работающий на сжатом воздухе, — мужчина взял мистера Клеменса под руку и отвел в дальний угол комнаты, — и соединил его с платформой, изолированной от пола резиной и пробковой прокладкой. Вставай, не бойся.

— Я так плохо себя чувствую, что уже ничего не боюсь, — сказал мистер Клеменс, вставая на платформу.

Ник включил компрессор, открыл пару вентилей, платформа мелко завибрировала.

— Это бодрит лучше виски! — воскликнул через несколько минут мистер Клеменс.

— Намного лучше, — в тон ему ответил Ник, — но, как и с виски, тут главное — не перебирать. Давай на этом закончим.

— Ни за что! Я помолодел на десять лет!

— Как бы тебе не помолодеть на все шестьдесят. Давай, давай, сходи, хорошего понемножку.

— Тебе не стащить меня отсюда и подъемным краном!

— Сам сойдешь! — Ник загадочно улыбнулся. — Смотри, я тебя предупредил.

Мистер Клеменс продолжал шумно восторгаться новым изобретением, но вдруг замолчал, напрягся, расправился, как будто аршин проглотил, шагнул не-гнувшись ногами с платформы и, все больше выка-тывая глаза, принял суматошно оглядываться по сторонам.

— Тебе вон туда, — Ник показал рукой в другой угол, — вон за ту маленькую дверь.

Мистер Клеменс поспешил удалился, безуспешно пытаясь сохранить достоинство.

— Помимо всего прочего, мое устройство на опре-деленном этапе оказывает прекрасное слабительное действие, — сказал Ник, когда его друг вернулся.

— Прекрасное слабительное действие, — кивнул головой мистер Клеменс, — очень полезное устройст-во, я думаю, его ждет большое будущее. Если не воз-ражаешь, я во время поездки в Европу предложу его всей этой стареющей знати, у них с этим вечные про-блемы. Отличная тема для застольной беседы!

— Ты лучше найди какого-нибудь промышленника, который купит у меня патент на производство этого устройства. Не мне же этим заниматься. Я имею в виду — производством. У меня есть гораздо более важные и интересные дела. Вот я тебе еще одну штуку покажу, — Ник вновь взял мистера Клеменса под руку и подвел его к лабораторному столу. — Это почти двойник того осциллятора, чье действие ты только что испытал на себе. Только чуть мощнее. И с приспособ-лением, позволяющим плавно регулировать частоту

колебаний, — он положил руку на маленькое колесико вентиля и слегка повернул его. — Приступаем!

Дзинь — звякнули бокалы на столе. Ник чуть повернул вентиль. Дзинь — звякнули оконные стекла. А потом по очереди зазвучали все предметы в комнате, табуретка пошла плясать вприсядку, большая электрическая катушка, стоящая на полу в центре комнаты, задрожала как в любовной лихорадке, а металлическая урна принялась весело подпрыгивать, разбрасывая вокруг скомканные листы бумаги.

— Они как живые! — воскликнул Ник. — У каждого из них есть внутри струна, воздействуя на которую на расстоянии я могу заставить их петь и плясать! И так же я могу воздействовать на все: на окружающие дома, на далекие горы, на всю Землю!

— Но для этого необходима прорва энергии. Тут не хватит даже всей мощи Ниагарского водопада, укрученного тобой.

— Нет! Это дурак размахивает кулаками, надеясь на свою силу. А умный человек подойдет да ткнет пальчиком в нужное место — и дело сделано. Надо знать это чувствительное место, надо знать частоту колебания струны, которая есть во всяком природном объекте, и, возбуждая их ничтожными средствами, через резонанс заставить эти объекты колебаться со всем свойственным им размахом. Очень хорошо, что ты зашел ко мне именно сегодня, потому что именно сегодня я намереваюсь сделать очередной эксперимент. Берем нашу крошку, — Ник взял со стола осциллятор и подошел к металлической балке, пронизывающей комнату от пола до потолка, — помоги мне, пожалуйста, приладить ее. — Мистер Клеменс поспе-

шил на помощь. — Вот так. Отлично. Спасибо. Эта балка — часть несущей конструкции дома, которая прошивает все этажи и уходит на несколько метров в землю. Воздействуя на балку, мы передаем колебания земле.

— А что потом? — спросил мистер Клеменс.

— Вот и посмотрим! — воскликнул Ник, дрожа от возбуждения. — Для того и эксперимент ставим!

Ник поколдовал с компрессором и вентилями. Осциллятор на балке мелко задрожал. Ник же неожиданно успокоился и широким жестом пригласил мистера Клеменса к низкому столику, вокруг которого стояли три мягких кресла.

— Это дело не быстрое. Пока осциллятор наберет нужную частоту колебаний, мы спокойно успеем выпить виски и поговорить о литературе. Чем ты на этот раз нас порадуешь?

Пока друзья разговаривали о литературе, в округе происходили странные события.

Сначала послышался нарастающий гул, потом стала мелко вибрировать земля под ногами, зазвенели стекла в домах, в суповых мисках — а было обеденное время, и все семьи сидели за столом — вдруг пошли концентрические волны. Первыми спохватились китайцы. Они выскочили на улицу с громкими криками: «Землетрясение!» Их примеру последовали неаполитанцы и сицилийцы, составлявшие большинство итальянской колонии. Им тоже землетрясения были не внове. Тут сам собой, тревожно и грозно, зазвонил колокол небольшого костела, по его призыву на улицу с криками «Пожар! Наводнение!» выссыпали жители соседнего жилого района. И все с улицы на-

блюдали, как в их домах лопаются стекла, а по стенам ползут трещины. В эти минуты никто не мог заметить, что разрушения движутся концентрической волной, сходящейся к некой точке в центре итальянских кварталов.

Наконец волна накрыла здание главного полицейского управления. Начальник управления среагировал не сразу — стены его кабинета частенько тряслись от гогота собравшихся в дежурке полицейских. И даже когда от него вдруг отъехал тяжелый письменный стол, он лишь укоризненно покачал головой. Но вот с потолка посыпались куски штукатурки, и он взревел: «Сержант Маккейн!»

— Да, сэр! — дежурный сержант возник на пороге кабинета.

— Что происходит, сержант?

— Содом и Гоморра, сэр, гнев господень.

— Понятно. А конкретно?

Внезапно кабинет наполнился возбужденными дежурными полицейскими.

— В городе страшные разрушения, сэр! — закричал один.

— Это все колдун с Хьюстон-стрит! — крикнул друг.

— Остановите его, — коротко приказал начальник.

— Разрешите стрелять на поражение, сэр?

— Только в случае неповиновения.

— У меня на этот самый случай есть серебряная пуля!

Земля дрожала под ногами устремившихся вперед полицейских. Вот и нужный дом. Дверь сама распахнулась перед ними, мощная пружина предостере-

гающе зазвенела, на третьем этаже лопнуло стекло, осыпав полицейских градом мелких осколков.

Сержант Маккейн перекрестился, выхватил кольт и ринулся внутрь, увлекая за собой еще двоих храбрецов.

Тем временем на верхнем этаже мистер Клеменс обратился к другу:

— Тебе не кажется, Ник, что вибрация усилилась. После того как ты вернул мне жизнь с помощью своего чудодейственного устройства, я стал бояться ее потерять..

— Еще несколько мгновений, мистер Клеменс, для полноты картины, — ответил Ник и вдруг вскочил с места с криком: — О, черт!

Он схватил тяжелую кувалду и мощным ударом разнес осциллятор вдребезги. Все сразу успокоилось.

— Хорошо, что я сделал осциллятор из чугуна, — сказал Ник, — чугун — он хрупкий.

— Хорошо, — согласился мистер Клеменс, — но не проще ли было выключить ту штуковину, которая нагнетает сжатый воздух?

— Нет, в резервуаре оставался сжатый воздух, и его вполне хватило бы, чтобы...

В этот момент в помещение ворвались полицейские и остановились, пораженные вдруг наступившей тишиной.

— Джентльмены, — сказал Ник, отвешивая им старомодный поклон, — вы немного опоздали, чтобы засвидетельствовать мой эксперимент. Мне пришлось срочно остановить его с помощью этого нехитрого приспособления, — он потряс кувалдой, — но если вы зайдете завтра, приблизительно в это же время, я по-

ставлю новый осциллятор и испытую его в вашем присутствии. Не сомневаюсь, что у вас останутся от этого приятные, незабываемые впечатления.

— Вы разрушили полгорода, — выдавил сержант Маккейн.

— Правда? — поднял брови Ник, быстро подошел к окну и выглянул наружу. — Я не вижу никаких разрушений. Но ваше сообщение меня чрезвычайно заинтересовало. Не могли бы вы опросить местных жителей, может быть, кто-нибудь из них действительно зафиксировал какие-то необычные явления.

— Нам это необходимо для полноты картины, — вставил мистер Клеменс, сдерживая улыбку.

— Прошу меня извинить, джентльмены, — продолжил Ник, — но сейчас вы должны уйти, так как у меня еще много дел. Всего наилучшего.

Обескураженные полицейские ретировались, а друзья вновь опустились в кресла.

— Я не хотел тебя пугать, но еще несколько мгновений — и дом развалился бы на куски, — сказал Ник.

— И все от этой маленькой штуковины? — спросил мистер Клеменс.

— Ты сам все видел! — сказал Ник. — И не такая уж она маленькая! Я могу сделать много меньше, такую, что уместится в кармане пиджака. И это с источником энергии! Ты подходишь к любому зданию, например к этому, достаешь из кармана осциллятор, прикрепляешь его к любой части здания, включаешь и отходишь в сторону. Минут через десять–двенадцать, в зависимости от размера здания, по нему пойдут трещины, начнет отваливаться штукатурка или облицо-

цовка и вдруг — «бумм!» — здание рассыпается в прах.

— А что, если в здании есть металлический каркас? — спросил мистер Клеменс с неожиданной заинтересованностью.

— Все то же самое! Клепка конструкций разболтается и разрушится. Мои расчеты показывают, что для разрушения самого большого здания в мире необходима очень маленькая мощность, около одной лошадиной силы.

— Одна лошадка, ритмично дергая, может сокрушить пирамиду или... — раздумчиво протянул мистер Клеменс. — Я на следующей неделе отплываю в Европу, посещу, естественно, и Париж...

— О, Париж! — воскликнул Ник. — Я там работал полтора десятилетия назад, безвестный инженер! А четыре года назад я приехал туда, чтобы прочитать лекцию перед Международным обществом электриков. Я вернулся и — не узнал Парижа моей молодости. Как же может изуродовать город всего одно сооружение!

— Догадываюсь, о чем ты говоришь. Вот и я подумал... А не одолжишь ли ты мне одно из своих устройств?

Друзья заговорщицки перемигнулись и расхохотались.

— Смеются! — возмущенно пробурчал один из полицейских, спускаясь по лестнице. — Все им напочем!

— Да уж, — веско сказал сержант Маккейн, — а у нас, с тех пор как этот колдун объявился в округе, не было ни одного спокойного дня.

— А кто это был с ним? — спросил второй полицейский. — Мне его лицо показалось знакомым.

— Марк Твен, писатель, тоже большой шутник, — с осуждением в голосе ответил Маккейн.

— Ну а колдуна, колдуна-то как зовут? — спросил первый.

— Чертова колдуна зовут Тесла! Мистер Никола Тесла!

— Все-то вы знаете, сэр!

Сержант Маккейн самодовольно надул щеки.

Глава 2

В глубине Скалистых гор

Нечто похожее промелькнуло и на лице мужчины, сидевшего перед ноутбуком. Он откинулся в кресле, вытянул, потягиваясь, ноги, закинул руки за голову, расправил плечи и удовлетворенно произнес:

— Не Марк Твен, конечно, но для первого опыта вполне, — задумался, стер две последние строчки, пробежал глазами концовку и с еще большим удовлетворением воскликнул: — Так лучше, так намного лучше!

Из иконки в правом нижнем углу дисплея выско-чила фигурка почтальона с письмом в руках. Мужчина поспешил открыть текст и прочитал послание.

«Всем экспериментаторам планеты — наш пла-менный привет! Как успехи?»

Мужчина оттолкнулся ногами и подкатился на кресле к столу у стены, заставленному физическими приборами. Два из них, блещущие медью клемм и ла-

ком деревянных корпусов, могли бы послужить украшением музея истории электротехники. Два других являли достижения современной китайской промышленности. Компромиссом между этими приборами, разделенными вековой пропастью, служил самописец, выводивший подрагивающим пером линию на движущейся бумажной ленте. Линия шла вверх. Мужчина скосил глаза направо, на мелькавшие на небольшом дисплее цифры, потом перевел взгляд налево, на мерно колеблющуюся проволочную рамку, хмыкнул и вернулся к компьютеру.

«Алекс — Юстасу. Все идет по плану. Напряженность растет».

«Петька, не морочь мне голову, этого не может быть, потому что этого не может быть никогда. Это какой-то артефакт».

«Рекомендую иногда заглядывать в словарь иностранных слов и не разбрасываться почем зря незнакомыми терминами. Как известно любому школьнику, артефакт — искусственно сделанное, именно этим мы и занимаемся. Прием».

«А чем мы, кстати, занимаемся?»

«Объясняю еще раз для непонимающих. Мы создаем стоячие волны и накачиваем их энергией за счет резонанса, как учил нас великий Тесла».

«Чушь все это собачачья. Стоячие волны хороши лишь для лекций в университете. Получить стоячую волну на таком расстоянии, тем более накачать ее энергией при используемой нами мощности установок НЕВОЗМОЖНО».

«Если ты так в этом уверен, то почему ввязался в это дело?»

«Вам, обитателям Веселого леса, не понять нас, австралийских аборигенов. Тут со скуки и не в такое ввяжешься. Да и как я мог отказать в пустяшной просьбе однокашнику? Ведь мы же русские люди!»

«Все, русский человек, хватит болтать. Давай включи модулятор».

«Да я-то включу! Наше дело петушиное: прокурекал, а там хоть солнце не всходи! Включил».

Мужчина, обретший имя Петр, поднялся с кресла, подошел к лабораторному столу, нажал какую-то кнопку на приборе, подкрутил ручку, настраиваясь на определенную частоту, еще раз внимательно посмотрел на ползущую вверх кривую на самописце, на проволочную рамку, колеблющуюся со все большим размахом, удовлетворенно кивнул головой. Потом сладко потянулся, потер пальцами и без того красные глаза.

«Тяжело уже дается ночь без сна, — подумал он, — да, кстати, что у нас со временем? — он посмотрел на часы. — О, почти четыре! Ждать осталось недолго! Отлич надо, а то еще приспичит в самый неподходящий момент».

Он вышел на крыльце, прошел по дорожке к ближайшим кустам, отлил, затем вышел на небольшую полянку и стал оглядываться. Сзади, закрывая полнеба, громоздились горы, самые что ни есть Скалистые. Чуть поодаль и ниже раскинулся спящий город, расчерченный прямыми линиями огней. Лес вокруг, казавшийся днем редким и чахлым, наваливался плотной массой на бревенчатый одноэтажный дом с высокой двускатной крышей. Почти из самого ее конька торчала длинная спица антенны, поблескивающая в свете полной луны. В предрассветной тишине донес-

ся далекий шум автомобиля, движущегося по шоссе со стороны города. Взвизгнули тормоза, потом шум чуть изменился, став более натужным и каким-то шуршащим. «Наверно, свернули на дорогу, ведущую в глубь гор, — подумал мужчина. — Кого это несет нелегкая? Надеюсь, не ко мне». Дорога эта являла местный вариант грунтовки, когда грунт — камень, то и дорога из мелкого щебня. Проходила она метрах в пятистах от дома, случалось, что за день по ней не проезжала ни одна машина. «Март по здешнему климату не лучший месяц для поездок на природу», — подумал мужчина и зябко передернул плечами. Дальний свет фар легко прошил полосу леса и тут же ушел в сторону и вверх. Между деревьями мелькнула какая-то тень, хрустнул сучок, зашелестели ветки, как будто кто-то пронирался сквозь подлесок. «Надо же, здесь водится крупная живность, — подумал мужчина, — кабаны, наверно». Шум улепетывающего зверя какое-то время накладывался на шелест покрышек по гравию, потом все как-то резко стихло. Вновь воцарилась тишина, еще более звонкая. После ослепления вспышкой света темнота показалась мужчине еще более глубокой.

И вдруг высоко в небе прошел волнами всполох, переливающийся всеми красками спектра. «А еще говорят, что ночью все кошки серы, потому что человеческий глаз в темноте не различает цветов, — усмехнулся мужчина, — а вот извольте! Как в радуге, вернее, как в северном сиянии. Откуда в этих широтах северное сияние?» Додумать эту мысль помешал нарастающий гул, исходивший со стороны дома.

Мужчина опрометью бросился туда, взлетел на

высокое крыльцо, ворвался в комнату, обогнул стоявшую посередине большую катушку, свернутую из толстой медной проволоки, подскочил к лабораторному столу. Самописец давно зашакалил, его перо судорожно билось о верхнюю кромку. Цифры на китайском приборе мелькали столь часто, что определить значение было невозможно. Раритетная проволочная рамка из-за быстрых колебаний представлялась цилиндром. Замигал свет и вдруг вспыхнул с неожиданной холодной силой. Мужчина с изумлением уставился на запаянную с двух сторон стеклянную трубку, обычную трубку, без проводов и прочих приспособлений, из обычного, как казалось, стекла, без каких бы то ни было покрытий снаружи или внутри. Слепящий, подстать голливудскому юпитеру свет исходил от нее. Мужчина инстинктивно прикрыл глаза ладонью, тут его уши уловили характерное потрескивание — кто слышал, тот ни с чем не спутает. Мужчина резко обернулся к катушке. По голому медному проводу, идущему от катушки вверх к антенне, пробегали, потрескивая, яркие искры. «Ох, ё, полыхнет!» — только и успел вымолвить мужчина. Как-то нехорошо хрюкнул ноутбук. Мужчина бросился было его выключать, но тут же и замер, наблюдая, как жидкокристаллический дисплей стекает вниз мутными потоками. И еще он почувствовал, что через несколько мгновений он сам растречется по полу грязной лужицей. Мысли метались в голове, грозя пробить черепную коробку, сердце рвалось наружу из грудной клетки, колотя по ребрам с частотой ударов двести в минуту, басовито ныла увеличенная печень, тихо скрипил желудок, скрипели суставы, мышцы подрагивали, стремясь оторваться

от костей, а прямая кишька вдруг наполнилась жидким содержимым, настойчиво желавшим излиться. Мужчина схватил со стола маленькую черную коробочку и бросился вон.

На свежем воздухе резко полегчало, даже неприятные позывы в низу живота сами собой прошли. «Как-то слишком светло, — мелькнула мысль, — или солнце восходит?» Он задрал голову вверх. Вершины гор были еще темны, но прямо над ним волны всполоха свернулись в воронку, острый кончик которой спускался все ниже, устремляясь — устремляясь прямо к нему. Или к дому, так оно вернее. Где-то далеко и высоко в небе зажглась яркая звезда и стала быстро приближаться, увеличиваясь в размерах. Вот она вошла в раструб воронки... Тут мужчина ощутил дрожание земли под ногами. Откуда-то прилетел маленький камешек и больно ударил в руку. Со стороны гор доносился нарастающий гул, как от сходящей лавины. Дом ходил ходуном, грозя рассыпаться по бревнышку, а торчащая вверх антenna то ли разбрасывала искры, то ли притягивала их — не разобрать, такое вокруг нее было сияние.

«Полный абзац!» — услышал мужчина свой внутренний голос. И повинувшись ему, выхватил из кармана черную коробочку. «Черт, не то! Это не сейчас!» Он принялся шарить по карманам, нашел, наконец, мобильник, нажал кнопку вызова. И даже не дождавшись соединения, принялся громко кричать:

— Володька, вырубай!

— Что у тебя происходит? — раздался спокойный голос друга.

— Вырубай на хер, тут такое творится!

— Да что творится-то? — крикнул в ответ Володька, не очень, впрочем, обеспокоенный. — Поделись со скучающим другом.

— Вырубай, а то делиться будет некому!

— Даже так? — несколько меланхолично сказал Володька. — Тогда выключаю. Эй-эй, ты чего молчишь? — И уже истошно: — Петька, не молчи!

А мужчина по имени Петр стоял и тупо смотрел на мобильный телефон, безмолвный брускок с темным экраном.

— Петька-а-а! — эвенело у него в ушах.

— Ты выключил? — с неожиданным спокойствием сказал мужчина, подняв голову.

Он даже мерно пощелкал пальцами, отбивая ритм, и чему-то удовлетворенно кивнул, заслышиав ответ:

— Уф, ну ты мёня и напугал! Выключил. Подожди немного, не сразу дойдет.

— Я знаю, — ответил мужчина, продолжая все также мерно щелкать пальцами и ведя счет.

И вот он поднял руку и щелкнул громко, от всей души. И по этому магическому жесту фокусника вдруг все переменилось и стремглав понеслось вспять. Дом перестал трястись. Сияющий шар вокруг антennы поблек и потух. Сияющая воронка на небе стала стремительно укорачиваться, окутала падающую звезду саваном и растворилась вместе с ней в просторах космоса.

Тут что-то тяжелое ударило мужчину в спину, бросило его лицом вниз на траву, навалилось, заломило руки за спину.

— Вы можете хранить молчание...

Человеческий голос, произносящий набившую

оскомину по многочисленным фильмам формулу. Это успокаивало. Но мужчина и так был удивительно спокоен. Он даже успел расслышать шум какой-то возни в лесу и громкий вскрик. И подумать: «А у кабана — то женский голос!»

— Все, что вы скажете, может быть использовано против вас...

— У меня теперь будет время, много времени для того, чтобы все вспомнить и все обдумать еще раз, — произнес мужчина.

Произнес, впрочем, про себя. Ведь все это действительно могло быть использовано против него.

Глава 3

Черная пятница, февраль

День был плохой. Хуже некуда. Чего еще ждать от пятницы, 13-го. Умные люди в такие дни не ходят на работу, а если ходят, то не включают компьютер. И не вскрывают почту, как электронную, так и обычную. Сколько, выходит, он правил нарушил? Целых четыре. А если учесть, что компьютеров было два, дома и на работе, то и все пять. Вот и получил. На полную катушку.

Неприятности начались с утра, вернее, с письма, с письмеца в конверте, погоди, не рви. Порвать-то он порвал, потом, со злости, да что толку? Если твой банк настойчиво напоминает, что у тебя третий месяц недопустимый овердрафт на счете, то тут перехватывай где только сможешь несколько сотен и беги в банк. А то ведь запишут, как грозятся, в ненадежные клиенты, здесь, в Америке, это страшнее судимости.

А овердрафт откуда? Алименты списали. Таньке, бывшей. Почему так получается? В России жили — не тужили, почти что впроголодь, но дружно. А как сюда приехали, так, насытившись, сразу ссориться начали. Вернее, Танька начала. Говорит, это оттого, что она все время дома сидела и ей не хватало общения. Но если все время дома, то где она своего нынешнего, Юджина, подцепила? И почему с ним она с удовольствием дома сидит, а по-английски как не говорила, так и не говорит, какое тут общение? Или все дело в том, что дом — свой?

Да бог с ней! Только подумал, как тут же получил от Таньки майл. На рулише, естественно. Опять денег просит. Ромка, чадо их совместное, попал-таки в школьную баскетбольную команду, теперь ему супер-пуперформа нужна. Вот ведь врет и не краснеет. У них кредит за дом просрочен. Это он казался своим, пока ипотечный кризис не грянул. А ведь придется дать. Ромка в их редкие, строго оговоренные постановлением суда встречи и так смотрит на него как на последнего жлоба. Мамкина работа.

Так и тянулись целый день неприятность за неприятностью. Одна радость впереди маячила — зарплата. Она, конечно, вся уже наперед на обязательные платежи расписана, даже не хватает, но все же приятно. Что же они так затягивают с главным-то? До конца рабочего дня оставалось двадцать минут, а конверт еще не похрустывал в кармане. И тут вызвали к Большому боссу. Не к добру это, мелькнула мысль. Как в воду глядел.

— О, Питер! Рад тебя видеть. Как дела? Как всегда, лучше всех? Проходи. Располагайся. Скотч?

Радуже изливалась из Большого босса, компенсируя скороговорку вопросов, которые не подразумевали ответов. От «Питера» совсем заплохело. Нет, он, конечно, Питер, вернее, Петр, но так его никто не звал, это повелось еще с первого его американского места работы. Когда он представился по своему шутливому обыкновению: «Саров, Арзамас-16», новые коллеги уважительно эашумели: «Как же, знаем! Арзамас-16, Саров! А звать-то тебя как?» Когда, наконец, разобрались, было много смеху. С тех пор и привязалось: Шестнадцатый. И только для официоза осталось: доктор Сарофф или Сароу, кто как прочитывал его сложную фамилию на лейбле.

— Боюсь, Питер, у меня для тебя плохие новости. Пятница, тринадцатое, ничего не поделаешь, — ходотнул Большой босс и отхлебнул виски, — времена нынче трудные, финансирование режут по всем статьям, грант, на котором ты сидишь, не продлевают. Мы бы, конечно, что-нибудь придумали, работать ты умеешь, хотя и сдал что-то в последнее время. Слышал я, увлекся ты Теслой. Нам нравится, когда люди, приезжающие в Америку, интересуются нашей историей, нашими великими соотечественниками, но не в рабочее время. Мы тут проверили твою электронную почту. Шестьдесят процентов посланий относятся к Тесле и все отправлены и получены в рабочее время.

Саров и не подумал возмущаться вторжением в его личный почтовый ящик, это он уже проходил. Здесь хотя бы признались.

— Но это так, мелочи, — продолжал Большой босс, — главное, конечно, финансирование, вернее, его отсутствие. Нам придется расстаться, к глубочайшему

моему сожалению, — он протянул Сарову длинный узкий конверт, заменив им последнее рукопожатие.

Саров был внутренне готов к чему-то подобному, но все же застыл на месте, вертя в руках конверт. А Большой босс уже стоял спиной к нему, у большого окна, и весело говорил по мобильному телефону:

— Да, дорогая, все завершил. Сегодня обошлось без происшествий. Не то что в прошлую черную пятницу. Помнишь, как у меня спустило колесо и мы опоздали в ресторан. Собирайся, я через пять минут выезжаю.

* * *

Саров, глубоко задумавшись о своей горькой судьбине, шел по коридору. Цок-цок-цок, донеслось до него. Он вскинул голову. Мимо прошествовала длинноногая девица. Он неодобрительно покачал головой. Нет, девица была вполне, вот только туфли со шпильками под стать ногам, эти шпильки для их силовых микроскопов были страшнее землетрясения. Впрочем, это же административный этаж, тут все можно, кроме сексуальных домогательств и курения.

Он толкнул дверь и вышел на ажурный мостик, висевший над внутренним двором здания, чудом архитектуры XXI века. Институт нанонауки открыли почти ровно год назад, искусно вписав модерновое здание в сравнительно старый, почти вековой комплекс Университета Калифорнии в Лос-Анджелесе. Главной достопримечательностью верхней части расположенного в форме каре здания были эти самые открытые мостики, или наклонные лестницы, пересекавшие по воздуху внутренний двор и соединявшие разные этажи. Когда Саров увидел их в первый раз, он сильно

удивился: как же они ходят по ним в снег и дождь. А потом спохватился: какой снег в Калифорнии, тут и дождя-то не дождешься.

Но главное было под землей: три этажа лабораторий, напичканных супердорогим оборудованием для работ в области нанотехнологий — научной фишкой последних лет, куда вкладывалось все больше денег. Под землю их загнали из-за того, что приборы были очень чувствительны к разного рода колебаниям. Он никогда не думал, что работать под землей так неприятно. Вроде бы и не смотришь во время работы в окно и сидишь к нему спиной, упервшись взглядом в монитор или в стену, но нет такого ощущения ограниченности пространства. И еще тишина, тишина давила. Вот идет он по коридору... Саров натолкнулся на вывернувшего из-за поворота сотрудника соседней лаборатории. Вот о том он и говорит: идешь и ничего не слышишь, ни своих шагов, ни чужих, такое здесь покрытие на полу и стенах. После череды глухих дверей и сплошных простенков вдруг открылась стеклянная стена, за ней, как в аквариуме, копошились люди в халатах, шапочках на волосах и бахилах на ногах. «Чистая» комната, такая хирургам и не снилась.

Вот и его лаборатория, слава богу, не чистая, можно не переодеваться при входе. Уже бывшая его лаборатория.

Сборы не заняли много времени. В российских институтах человек быстро обрастает вещами, для работы много чего требуется, а в отделе снабжения снега зимой не выпросишь, вот и приходится все доставать самому. Плюс книги и куча бумаг. Не оставлять же при переходе. Жалко не вещей, жалко времени, которое придется потратить на новом месте

для поиска необходимых мелочей. А в Америке со всем — нет проблем, и потому — ничего личного. Все личное, что Саров нарыл в ящиках своего стола, можно было завернуть в носовой платок. Даже традиционной коробки не потребовалось. Оставалось очистить почтовый ящик, да покоцать тестовые файлы. Тут-то комп и заглючил, это уж как водится. Ну и черт с ним! И с ними!

Саров вышел из института и побрел в сторону кампуса. На душе было погано. Русская душа требовала если не дружеского сочувствия, то хотя бы общения. А вот и знакомый бар.

Как же не любил Саров эти обязательные пятничные посиделки всей лабораторией в баре! Колхоз — дело добровольное. Так говорят в России, посмеиваясь над советским прошлым. Оказалось, колхоз — он и в Америке колхоз, такой же добровольный. Невзирая на настроение, желание и самочувствие, ровно два часа крепи единство коллектива. И непременно в пятничной униформе — джемпере и джинсах. Саров и в другие дни отдавал предпочтение «свободному стилю», но в пятницу его неудержимо тянуло напялить пиджак.

Все в сборе, полна коробочка. Пять китайцев, три индуза, трое русских, Эштейн, Балаян и Загитуллин, мексиканец, две американки, ирландка и полька Кристия, украшение лаборатории. У всех в руках бутылочки «Будвайзера», над длинным составным столом стоит многоголосый гомон, из которого иногда вычленяются знакомые английские слова.

Саров взял в баре банку «Хайнекена», присел к столу. Разговор на мгновение стих. Во взглядах, обращенных на Сарова, сквозит недоумение и смущение,

все всё знают, возможно, узнали раньше его. Балаян поднял вверх руку с растопыренными пальцами: «Суки!» Кристя проворковала: «Мне будет не хватать тебя, Шестнадцатый!» — и повела плечами. Что ж ты раньше-то молчала?! Саров хотел развить тему, но Кристя уже отвернулась к Балаяну. Всеобщий разговор возобновился. «Кто же стукнул? И кто залезал в компьютер? — подумал Саров, окидывая взглядом компанию. — Впрочем, какая теперь разница?» Ровно в семь пятнадцать все дружно поднялись. «Ах, как жаль! Прекрасно посидели! До понедельника! Увидимся!» Кто-то, проходя, хлопнул Сарова по плечу. И на том спасибо.

Хорошее все же место этот университет. Даже жалко уезжать. Саров медленно брел по аллеям парка. Он всегда выбирал эту дорогу к дому после работы. Круг небольшой, а удовольствия масса. Идеально подстриженные лужайки, альпийские горки со струящейся водой, замысловатые клумбы с красивыми цветами. Успокаивает. Там и сям разбросаны скульптуры, множество скульптур, несколько десятков, на все вкусы, даже и на его, довольно консервативный. Подойдешь, постоишь, посмотришь, мысли всякие в голову приходят начинают, нет, не всякие, хорошие мысли приходят, иногда и умные. Он даже в выходные приходил сюда. Разогреет гамбургер в микроволновке — они стоят поблизости на специальных подставках, пользуйся кто хочет, усядется на траву — и можно, и чисто, потягивает пиво из банки, упрятанной в бумажный пакет, уплетает гамбургер, глазеет по сторонам. Студентки щебечут, разлеглись на траве, за оградой университета вальяжно течет бульвар Сансет, наверху, на горе, огромные буквы складываются в

слово «Голливуд». Не пустыня вокруг Лос-Аламоса, там так не полежишь, ему, по крайней мере, не удавалось.

В общем, уходить не хочется. Да и куда ему спешить? От работы до дома рукой подать, пять минут быстрым шагом — еще один плюс этого места. А дом... Что дом? Разве ж это дом! Холостяцкая берлога, выбитая им в целях экономии в так называемом семейном студенческом общежитии. Так называемом, потому что четверть проживающих в нем составляли гомосексуальные пары. Против них, особенно против геев, он ничего не имел, они были вежливыми и тихими, что еще требуется от соседей?

А вот и его апартаменты, студия, если быть совсем точным. Одна большая комната, совмещающая функции спальни, гостиной, кабинета и кухни. Когда живешь один, это даже удобно. И большой портрет Теслы, висящий на стене, отовсюду видно.

* * *

Саров запал на Теслу уже в Америке. Слышал, конечно, и до этого. Все же таки единица магнитной индукции носит его имя. Эка невидаль! Ом тоже дал свое имя единице сопротивления, это же не повод, чтобы западать на Ома, никто и не западет. А еще Тесла был изобретателем, по версии Советского энциклопедического словаря — всего лишь изобретателем в области электро- и радиотехники, даже не выдающимся. К физике и технике Саров имел самое непосредственное отношение, как никак закончил Московский инженерно-физический институт, но имя Теслы если и упоминалось на лекциях, то в ряду других, куда более известных имен, в скучнейшем, сугубо приклад-

ном разделе о переменных токах. Долгие годы Саров почему-то был уверен, что Тесла — чех, а о том, что он почти 60 лет жил и работал в Америке, не знал вовсе.

Началось все курьезно. На одной из вечеринок перед их отъездом в Америку собралась разношерстная компания — родственники, соседи по дому, не очень близкие подруги жены. Выпили, как водится, крепко. Кто-то, крутя глаза и размахивая от возбуждения руками, принялся пересказывать газетную статью о том, что Тунгусский метеорит был, оказывается, не метеоритом и не кометой, и даже не потерпевшим крушение кораблем космических пришельцев, как долгие годы считали ученые. На самом деле, катастрофа, случившая 30 июня 1908 года в районе реки Подкаменная Тунгуска в Восточной Сибири, была не чем иным, как испытанием секретного оружия, изобретенного Николой Теслой. Был редчайший случай, когда Саров оказался единственным физиком за столом, к нему и обратились за разъяснениями, как к эксперту. Он отмахнулся:

— Точно. Испытание. Секретного оружия. А организовала все мировая закулиса.

Шутка оказалась неудачной и только подлила масла в огонь. Сколько он ни уверял потом гостей, что все это бред сивой кобылы, выдумки пьяного ежика, газетная утка, фигня на постном масле, никто ему не верил, даже и обижались. «Сам сказал! Знаешь, а скрываешь. Нехорошо. Мы все люди проверенные». И как он ни отбивался, кто-то засунул ему в карман газетную вырезку со статьей. Каким образом она оказалась в заднем кармане других джинсов, уму не постижимо, мистика. Обнаружил ее Саров уже в са-

молете и, маясь бессоницей во время долгого перелета, прочитал. Вердикт подтвердился: полный бред. Но зерно было брошено. Он стал искать в Интернете материалы о Тесле, и чем больше читал, тем сильнее увлекался. Вскоре он безоговорочно уверовал и в гениальность Теслы, и в его высшее предназначение, и в то, что далеко не все его открытия, прозрения и изобретения поняты человечеством. Как всякий новообращенный, Саров принял с избыточным, прямо скажем, энтузиазмом проливать свет нового знания на косные и темные массы. Завел собственную англоязычную страничку в Интернете, через которую вербовал новых сторонников в Америке и заодно собирал неизвестные сведения о своем кумире. Правил статью о Тесле в Википедии, когда же в России закрутили интернет-проект Энциклопедии славянских народов, вызвался создать отдельный блок, полностью посвященный Тесле и его работам. Сейчас он писал статью о... роли Теслы в Тунгусской катастрофе. Нет-нет, никакой конспирологии, никакого параноидального бреда, никаких журналистских домыслов, все строго научно, со схемами, фотографиями устройств и даже с кое-какими расчетами.

Глава 4

Работа над ошибками

Ох, не надо было ему садиться сегодня за компьютер. После такого-то рабочего дня. И на исходе черной пятницы. Но, во-первых, привычка, если не зависимость, а во-вторых, все равно делать больше нечего.

не телевизор же смотреть. Опять же статью написать нужно. Но не работалось.

Саров сидел и тупо смотрел на главную страницу раздела Энциклопедии славянских народов, посвященного Тесле.

Никола Тесла
ЖИЗНЬ, ОТКРЫТИЯ, ИЗОБРЕТЕНИЯ

1856, 10 июля

Родился в деревне Смилян близ городка Госпич в Хорватии.

«Родился в деревне... — подумал Саров. — Эдак у читателя может сложиться впечатление, что он — крестьянский сын, новый Ломоносов. Конечно, не королевских кровей и не княжеских и не потомок графа Дракулы, как пишут местные журналисты по стечению американцам географическому кретинизму, но все же один дядя — фельдмаршал, другой — начальник Австрийской военной академии, а третий — епископ Боснии. В Хорватии... В этой бывшей Югославии сам черт голову сломит с национальностями. Надо уточнить, что серб, а то братушки обидятся». Вставил: *в родовитой сербской семье*.

1875–1880

Учеба в политехническом институте в Граце и Университете Чарльза в Праге.

1881

Работа в Центральном офисе телеграфа в Будапеште. Первое изобретение: усилитель голоса для телефонного приемника, прообраз динамика.

1882–1883

*Изобретение врачающегося магнитного поля.
Работа в «Континентальной компании Эдисона» в
Париже и Страсбурге.*

Как можно изобрести врачающееся магнитное поле? Наверно, правильнее сказать, что Тесла его придумал. А уж на его основе изобрел индукционный электродвигатель. Но изобретение так и осталось на бумаге, вернее, в голове. Он всем рассказывал о нем, но никого оно не заинтересовало. Никто не мог понять величия его изобретения. Он опередил время. Он всегда опережал время. А! — досадливо махнул рукой Саров.

1884

Переезд в США. Работа в компании Томаса Эдисона в Нью-Йорке.

Работал всего год, а потом ушел, не сойдясь с шефом во взглядах на перспективы развития электротехники. Нетривиальный поступок для никому не известного эмигранта без гроша в кармане. Саров примирил ситуацию на себя и честно признал, что он, пожалуй, так бы не поступил. Да и кто бы ему дал? Визуфигизы, грин-карты и все такое прочее. Даже землекопом не устроишься, как Тесла, который на этих поденных работах целый год кантовался. И вот зигзаг судьбы, возможный, наверно, только в Америке. Бригадир землекопов заприметил трудолюбивого молодого человека, хотя какого молодого — тридцатник стукнул! Выслушал рассказ о его изобретениях и связанных с ними больших надеждах, вывел его на своего знакомого из компании «Вестерн Юнион Теле-

граф», тот рискнул своими деньгами и привлек к делу еще одного своего приятеля. Так появилась компания «Тесла электрик». Через шесть месяцев после открытия своей лаборатории Тесла собрал три разных комплекта своей системы и подал свою первую заявку на патент. Саров прикинул: в неделю Тесла должен был создавать с нуля не меньше одного нового устройства, которое существовало до этого только в его голове. И это без квалифицированных помощников и готовых комплектующих. Начерти каждую фитильку, закажи, собери, испытай, наконец. Невозможно! Однако сделал. Исторический факт.

1888

Создает систему переменного тока.

Всего-навсего! Но не потрясает, потому что не подвластно уму. Невозможно поверить, что все это электричество, 220 вольт, 50 герц, без которого мы не мыслим своей жизни, вся эта электрическая сеть, от генератора на электростанциях до розеток и ламп в наших квартирах и офисах, созданы одним человеком. Причем созданы не за десятилетия, а практически в одночасье. За этот час мир попал в другую реальность. В прошлой была система постоянного электрического тока, она позволяла передавать электричество на расстояние не более километра, при этом его мощности хватало на сотню лампочек в двадцать пять ватт. Передача электроэнергии на большие расстояния была на грани фантастики, пять миль, восемь, четырнадцать — фиксировались мировые рекорды. В новой реальности передача сотен тысяч ки-

ловатт на сотни километров стала обыденным делом. Обыденность тоже не потрясает.

Кто был потрясен, так это, несомненно, эксперты Патентного бюро, получившие заявку Теслы. Потому что в ней Тесла изложил все это, всю свою систему. Ведь к чему привыкли эксперты? Что изобретатель претендует на то, что на паханом-перепаханом поле он нашел нетронутый участок. И их задача сводится к тому, чтобы определить обоснованность утверждения изобретателя о нетронутости участка и выявить, нет ли на нем чужого заявочного столба. А Тесла явил их взорам огромное поле девственной целины, которое он полностью, без просветов для поколений будущих изобретателей, покрыл одной заявкой. То, что действительно девственная, и то, что покрыл, — в этом сомнений не было. Теслу лишь попросили разделить сводную заявку на несколько отдельных. Следующие несколько месяцев они только тем и занимались, что выдавали Тесле патенты, один за другим.

«Подает заявки и получает 30 патентов, охватывающие все аспекты получения и использования переменного тока: генераторы, одно- и многофазные двигатели, системы распределения, многофазные трансформаторы и т.д.», — вставил Саров. Все равно сухо, подумал он.

1889

Изобретение люминесцентных ламп.

Поразительно, но мы до сих пор пользуемся лампами накаливания. Которые почему-то перегорают все быстрее и быстрее, с досадой заметил Саров. Итак, пользуемся лампами накаливания, изобретен-

ными Эдисоном аж в 1879 году. Большинство людей уверены, что люминесцентные лампы, или лампы дневного света, были изобретены намного позже, где-нибудь в середине XX века. Между тем изобрел их Тесла и всего через десять лет после изобретения Эдисона. Его система позволяла получать токи любой частоты, в том числе и высокой, и он стал пропускать эти токи через различные газы и воздух при разных давлениях. Так он получил свет, который превосходил по яркости все полученное ранее. В лампе Эдисона светится раскаленная нить, в лампах Теслы — газ, в них нечему перегорать. Тесле удалось повысить яркость свечения за счет покрытия поверхности лампы люминофором, так появились люминесцентные лампы. А еще Тесла предложил заполнять лампы неоном, он даже изгибал стеклянные трубки в виде букв и геометрических фигур и демонстрировал их на своих лекциях. По прошествии десятилетий это воплотилось в неоновых огнях рекламы. Что пока не воплотилось в жизнь — так это проект «всемирного освещения». Тесла предложил его в 1914 году. На больших высотах атмосферные газы находятся в том же состоянии, что в использованных им трубках с частичным вакуумом. И если через верхние слои атмосферы пропустить ток определенной частоты, то воздух засветится, вся Земля превратится в исполинскую лампочку. Очень удобно, и вполне возможно, что энергии на это потребуется не больше, чем на уличное освещение. Тесла заявил, что не видит никаких трудностей в технической реализации этого проекта. Если перевести с языка Теслы на нормальный чело-

веческий, это означает, что он видел, как это можно сделать. Ну почему он ничего не записывал!

1890

Изобретает высокочастотный генератор тока.

Открывает тепловое воздействие высокочастотных токов на организм и предлагает использовать их в лечебных целях.

Микроволновые, или СВЧ-печи тоже от Теслы и когда еще были изобретены, а всем кажется, что они появились на нашей памяти.

1891

Изобретает карборундовую лампу.

Плохо написано. Что такое СВЧ-печки, знают сегодня все, а вот что такое карборунд и тем более карборундовая лампа, знают единицы. Вот он в студенческие инженерно-физические годы не знал, честно признался Саров, хотя должен был бы знать. Потому что из пустого пространства круглой пятнадцатисантиметровой лампы Тесла извлек, как фокусник из шляпы, целую россыпь кроликов, то есть открытий. На первый взгляд эта лампа была похожа на лампу накаливания: внутри ее находился кусочек тугоплавкого материала — карборунда, подсоединененный к источнику высокого, быстро меняющегося напряжения. Но светила эта лампа вдвадцать раз сильнее, чем лампа накаливания, потребляя то же количество электроэнергии.

Она походила на миниатюрное Солнце. Саров представил многократно описанную демонстрацию Теслы на его лекциях. Тесла брал в одну руку выводной провод своего высокочастотного трансформатора-

ра, а в другую — свою карборундовую лампу. Он поднимал руку с лампой вверх, и в этот момент ассистент включал рубильник. Ток напряжением в сотни тысяч вольт проходил через тело Теслы, и искусственное Солнце вспыхивало в его руке, ослепляя аудиторию. Эффектно!

Светился не карборунд, светился газ в лампе. Молекулы газа с огромной силой били по электроду, в свою очередь раскаляя его добела. Увеличивая силу тока, можно было расплавить и даже испарить почти любое вещество — алмаз, рубин, самые тугоплавкие металлы. А при определенных условиях рубин не испарялся, а как бы накачивался энергией и выдавал узкий пучок белого света. Тесла демонстрировал его на своих лекциях. Через шесть десятилетий это называли лазером, рубиновым лазером.

В других условиях на стеклянной поверхности лампы появлялись быстро меняющиеся картины. Тесла предположил, что это изображение микроскопического участка электрода, с которого вылетают заряженные атомы. Теперь мы знаем, что это электроны. Так работает электронный микроскоп, который позволяет увидеть изображение микроскопических объектов. В сущности, Тесла изобрёл электронный микроскоп, но он не мог так его назвать, потому что электрон в то время еще не открыли.

. Все-таки удивительные у него были прозрения! Уподобив свою карборундовую лампу рукотворному Солнцу, Тесла вскоре понял, что это больше, чем красочная метафора. Солнце, подобно электроду его лампы, выбрасывает поток мельчайших частиц, обладающих огромной энергией. Но вокруг Солнца нет барьера в виде стеклянного купола, поэтому этот по-

ток уносится в космическое пространство и с неизбежностью должен достигнуть Земли, бомбардируя ее и разрушая материю. Тесла сообщил, что он обнаружил эти частицы и измерил их энергию. Ученым начала 90-х годов XIX века это показалось фантастикой.

Через тридцать лет Артур Комптон открыл космические лучи, состоящие из движущихся с огромной скоростью частиц материи. Еще через десять лет Фредерик Жолио, зять Пьера и Мари Кюри, открыл явление искусственной радиоактивности обычных веществ при бомбардировке их подобными частицами. Нечто подобное Тесла и предсказывал, вот только слово радиоактивность не употреблял, потому что ее открыли через пять лет после его работ.

Саров написал: *Открыл лазер, электронный микроскоп, космическое излучение, предсказал явление искусственной радиоактивности.* «Это три или четыре Нобелевские премии? — принял вспоминать Саров. — Нет, четыре или пять?» — спохватился он, переведя взгляд на следующую строчку.

1892

В лекциях описывает «сильное и загадочное излучение» — рентгеновские лучи.

«Ну и ляп, — подумал Саров, — вот что значит сила стереотипа». Как же Тесла мог описать рентгеновские лучи до Рентгена? Правильно, никак. Он описывал необычный вид излучения, полученного им в его лампе с молекулярной бомбардировкой. Изучение проходило через металл и порождало изображение на фотографических пластинах. Сообщение об этом излучении шло в череде других, куда более интересных,

и не привлекло внимания слушателей. Собственно, и сам Тесла не придавал ему большого значения и никогда не считал, что имеет какой-то приоритет в его открытии. Когда в конце 1895 года сообщение Рентгена всколыхнуло научную общественность, Тесла послал Рентгену некоторые из полученных им ранее изображений. «Изображения очень интересны. Не будете ли вы так любезны и не сообщите ли мне, каким образом они получены?» — ответил изумленный Рентген. Пока шла переписка, Тесла, опираясь на результаты своих предшествующих экспериментов, совершил большой рывок вперед, намного опередив других исследователей в этой области. Пока они пытались выжать из подобия описанной Рентгеном трубки излучение, достаточное для получения теневых изображений рук и ног, расположенных в непосредственной близости от лампы, Тесла делал снимки черепа с расстояния в пятнадцать дюймов. Череп был, естественно, самого Теслы: как истинный ученый, он экспериментировал в первую очередь на себе. Все это было столь необычно для того времени, что «Нью-Йорк Таймс» поместила огромный снимок черепа Теслы на первой странице.

Саров стер слово «рентгеновские» и вставил Х-. Тоже, конечно, неправильно, но неспециалист воспримет это как «загадочные лучи». Люди любят все загадочное.

1893

Изобретает беспроводную систему телеграфии.

Откуда я скопировал эту глупость? Да понятно откуда. Так написано во всех академических монографиях, канонических биографиях, на всех официаль-

ных сайтах. Кто из молодых сейчас знает, что такое телеграф? А у старшего поколения телеграф ассоциируется с чем-то допотопным, с ползущей из громоздкого аппарата бумажной лентой, которую затем разрывают на кусочки и наклеивают их на бумажный бланк телеграммы. Беспроводную? А что здесь удивительного? Ведь было же радио, которое, как известно всему миру, изобрел Маркони в 1897 году, или в 1895 году Александр Попов, в чем уверяли население шестой части суши.

Между тем в нескольких лекциях 1893 года Тесла описывал и демонстрировал устройства для беспроводной передачи энергии в форме электромагнитных колебаний. Тогда же он предлагал провести эксперимент с наземным источником энергии и кораблем, находящимся с открытым море. «Даже если при этом нельзя будет передать энергию для питания оборудования, то уж информацию можно будет передать на верняка», — заключил он. Тогда же он привел перечень необходимых компонентов устройства для беспроводной связи: антенна или направленный вверх провод; заземление; контур из индуктивности и емкости; регулируемая индуктивность и емкость для настройки; передатчик и приемник, настроенные в резонанс друг с другом; ламповые детекторы. Если кто-нибудь скажет, что это не радио, то он ничего не понимает в радио.

Через два года двадцатидвухлетний Маркони начал экспериментировать с вибратором Герца, который Тесла отверг за несколько лет до этого. Не добившись никакого результата, он скопировал устройство Теслы и, искусно завуалировав его суть, получил

патент. Знала кошка, чье мясо съела. В 1900 году после наделавших много шума испытаний его устройства Маркони в поисках инвесторов прибыл в Нью-Йорк. В программе его пребывания значилась и научная лекция, которую посетил Тесла. «Когда он узнал, что я в зале, ему стало плохо, он отменил лекцию и до настоящего времени так и не прочел ее», — вспоминал несколькими месяцами позже Тесла. Что, впрочем, не помешало Маркони искать встречи с великим мастером, а тому, в свою очередь, принять молодого высокочку в своей лаборатории и даже разъяснить ему принципы действия некоторых новых устройств.

Неизвестно, каким ученым был Маркони, но как предприниматель он мог дать Тесле сто очков вперед. А еще он был выдающимся рекламным агентом, саморекламным. Много лет Тесла терпеливо сносил восхваления Маркони, но в конце концов не выдержал и, дойдя до Верховного суда США, добился признания своего приоритета. Патент Маркони был признан недействительным, что, впрочем, ничего не значило, так как срок его действия давно истек. Тем не менее Маркони, спасаясь от исков Теслы, пришлось какое-то время жить на корабле в море за пределами территориальных вод США.

Саров решительно выдохнул и написал: *Изобретает радио.*

1894—1897

Строительство первой гидроэлектростанции на Ниагарском водопаде.

Электростанция на Ниагарском водопаде — сама по себе грандиозная идея, могущая прийти в голову

только предприимчивым американцам с их гигантамией. Но большего восхищения заслуживает то, что это была первая гидроэлектростанция, американцы решили не размениваться на ерунду, на всякие мелкие речушки, зарабатывать — так миллион, иметь — так... Ниагарский водопад. Специальный приз — за рекордно быстрое внедрение новой технологии. Ведь проект электростанции начали разрабатывать до появления системы переменного тока Теслы, она была последней из представленных на конкурс проектов. Она еще толком нигде не работала, так что члены комиссии не могли оценить ее достоинства в действии, а многие выдающиеся ученые, включая лорда Кельвина, отдавали предпочтение системе постоянного тока Эдисона, тоже, впрочем, усовершенствованной Теслой. Тем не менее члены комиссии проявили гениальную интуицию, отдав предпочтение системе переменного тока. И поныне на здании электростанции красуется табличка с перечнем использованных патентов: Тесла, Тесла, Тесла, Тесла... Все электротехническое оборудование разработано Николой Теслой, — приписал Саров.

1894–1895

Изобретает механические осцилляторы и генераторы электрических колебаний.

1896–1898

Первые патенты по беспроводной передаче энергии.

Тесла всегда работал, не оглядываясь на конкурентов. Он считал, что опережает их на годы, если не десятилетия. У него были на это основания. Но иногда его стремление дать миру готовое решение глобаль-

ной проблемы, имеющее тысячи приложений, играло с ним злую шутку. Конкуренты, сосредоточенные на решении частной проблемы, успевали урвать свой кусочек пирога. Как в случае с радио. Теслу интересовала беспроводная передача энергии, маломощные радиоволны были лишь одним из боковых ответвлений. Поэтому он после успешных демонстраций на лекциях 1893 года не спешил оформлять патенты. Первый патент на «передачу электрической энергии в естественной среде» появился в 1896 году, и затем они хлынули как из рога изобилия — за пять лет Тесла получил 33 патента, которые, как и в случае системы переменного тока, практически полностью покрыли новую область техники, так что несколько лет другие изобретатели не могли найти незастолбленный участок.

Тесла показал, как можно передавать электроэнергию без проводов. Человечество еще не пришло в себя после эпохального прорыва в передаче энергии по проводам практически на любое расстояние, а Тесла на открытии первой гидроэлектростанции на Ниагаре заявил буквально, что эта система уже устарела и у него есть новое решение. Не удивительно, что многие присутствующие сочли, что Тесла перетрудился и у него поехала крыша.

Поехала настолько, что он стал заниматься игрушками. Через год Тесла устроил эффектную демонстрацию одной такой игрушки: в Медисон-сквер-гардене в Нью-Йорке был установлен большой резервуар, в котором плавала лодка с закрытым металлическим корпусом длиной около метра. Внутри лодки были скрыты электродвигатели, из центра крыши

корпуса торчал вверх тонкий металлический стержень неизвестного посвятителям назначения — антenna. В дальнем углу зала находился пульт, с которого Тесла дистанционно управлял движением лодки посредством передачи радиосигналов. Впрочем, большинство посетителей вряд ли осознавало последнее, ведь в эти дни газеты трубили о сенсационном достижении Маркони: впервые передан без проводов сигнал — три точки азбуки Морзе!

Прошел год, и Тесла описал еще одну «игрушку»: радиоуправляемый снаряд с реактивным двигателем. «Может быть, хорошо, что он не продемонстрировал опытный образец?» — подумал Саров.

1899

Строит лабораторию в Колорадо-Спрингс, раскрывает природу молнии.

А как раскрыл, так научился получать гигантские молнии искусственно с помощью высокочастотного трансформатора, вошедшего в историю как катушка Теслы, дававшего напряжение в 12 миллионов вольт. Чего он только не сделал в этой лаборатории в горах! Кто б точно знал!

1900–1905

Строительство передающей башни в Уорденклифе на Лонг-Айленде под Нью-Йорком для всемирной системы передачи информации и энергии.

«Удивительное дело! — подумал Саров. — С одной стороны, по общему мнению современников и биографов, Тесла был на редкость непрактичным человеком, в том смысле что не доводил большинство своих изобретений до коммерческого использования, этим

занимались другие, они же и получали львиную долю прибыли. С другой стороны, стоило Тесле получить чек на круглую сумму от одного из крупнейших финансистов того времени — Пирпонта Моргана, как он немедленно приступил к реализации своего самого грандиозного проекта — созданию ни много ни мало всемирной системы передачи информации и энергии. На меньшее он был не согласен». Не хочу, чтобы мою работу путали с дилетантской работой других экспериментаторов, говорил он, намекая на Маркони.

«Интересно, — продолжал размышлять Саров, — обманул Тесла Моргана или нет?» Биографы Моргана уверяют, что тот намеревался финансировать строительство первой радиостанции для быстрого получения информации о гонках яхт в Атлантическом океане. Радио делало тогда самые первые шаги, и даже такая задача выглядела пределом возможного. Но Морган был не тем человеком, которого можно обмануть. Да и как обмануть, если в брошюре, вышедшей в 1900 году, Тесла привел перечень задач, которые он намеревался решить с помощью своей системы. Саров кликнул мышкой, и на экране появился этот перечень.

1. Объединение существующих телеграфных станций по всему миру.
2. Созданиетайной и недоступной для посторонних правительственной телеграфной службы.
3. Объединение всех существующих в мире телефонных узлов или станций.
4. Передача посредством телеграфа или телефона по всему миру главных новостей для печати.
5. Основание всемирной системы передачи информации исключительно частного характера.

«Воплотилось через 80 лет в электронной почте и Интернете», — подумал Саров. А ведь Тесла сразу предлагал сделать это в беспроводном варианте. У него были патенты на одновременную передачу множества сообщений на одной частоте, они обеспечивали невероятно высокую пропускную способность системы и одновременно препятствовали несанкционированному доступу к частной информации. Патенты так и остались нереализованными по сей день.

6. Объединение и эксплуатация всех существующих в мире биржевых аппаратов для передачи котировок ценных бумаг.

7. Основание общемировой системы музикального вещания.

8. Отсчет времени во всем мире по недорогим часам, работающим с астрономической точностью и не требующим никакого обслуживания.

9. Передача знаков, слов, звуковых сигналов и т.д., а также машинописных и рукописных текстов.

Самое удивительное, что телекоммуникации были созданы до радио, и Тесла внес в него существенные усовершенствования.

10. Создание общемировой службы поддержки судоходства, помогающей в навигации, в определении местонахождения и скорости корабля, в предотвращении столкновений и катастроф и т. д.

11. Организация системы мирового печатного дела на суше и на море.

12. Репродукция фотографий, а также любой графики и документов с любой точки земного шара.

Нет, все-таки, похоже, обманул. В брошюре, интервью и газетных статьях Тесла говорил о передаче информации, но строил систему, как он признался чуть позже, для передачи энергии. Эта станция, говорил он, позволит получать электрические мощности до десяти миллионов лошадиных сил и рассчитана на обслуживание всех возможных технических достижений без лишних затрат. Были определены и сроки введения в эксплуатацию первой силовой станции в Уорденклифе: девять... месяцев. За ней должны были последовать станции на западе Европы, скорее всего, в Великобритании, в России (об этом была достигнута договоренность с царским правительством) и в Южном полушарии.

В Уорденклифе началось грандиозное строительство. Была возведена башня высотой 47 метров, увенчанная медной полусферой диаметром 30 метров и высотой 15 метров. Под башней была пробита шахта глубиной 40 м, набитая каким-то не известным никому оборудованием. Тесла заказывал в огромных количествах детали необычной конструкции, которые превращались на месте в генераторы, осцилляторы и двигатели. Бригада стеклодувов изготавливала лампы для передачи и приема радиосигналов. Было это за двенадцать лет до того, как Де Форест изобрел... радиолампы, вернее, получил на них патент. Лампы Теслы погибли под руинами Уорденклифа, и тайна их устройства и производства умерла вместе с Теслой.

Несмотря на огромное количество осложнений с финансированием и поставками оборудования, Тесла не сильно ошибся в сроках строительства — на все про все ушло порядка полутора лет. Тесла был настолько уверен в успехе своего проекта, что в 1903 го-

ду заявил в газетном интервью, что на будущей международной выставке в Париже лампы будут гореть от электричества, передаваемого без проводов с электростанции на Ниагарском водопаде.

И в доказательство этого он провел первое полномасштабное испытание своего передатчика. Случилось это 15 июня 1903 года, ровно в полночь. Вот что писала об этом на следующий день газета «Нью-Йорк Сан». Саров еще раз кликнул мышкой. «Живущие вблизи лаборатории Теслы на Лонг-Айленде больше чем заинтересованы его опытами по беспроводной передаче энергии. Прошлой ночью мы были свидетелями странных феноменов — многокрасочных молний, собственноручно испускаемых Теслой, затем воспламенения слоев атмосферы на разной высоте и на большой территории, так что ночь моментально превращалась в день. Случалось, что весь воздух на несколько минут был наполнен свечением, сосредоточенным по краям человеческого тела, и все присутствовавшие излучали светло-голубое мистическое пламя. Сами себе мы казались призраками».

То-то общественность, наверно, возбудилась, усмехнулся Саров. Как-то подозрительно быстро заглох проект после этих испытаний. Кто-то говорит, что Тесла сам свернул работы, что не раз случалось в его жизни, когда он вдруг заглядывал за край и видел там нечто угрожающее, доступное только его пониманию. Большинство, всегда правое, видит причину в прекращении финансирования, споря лишь о том, почему Морган скоропалительно отказался от этого проекта. Станция была законсервирована, и Тесла лишь изредка наезжал туда. Летом 1917 года башня вместе

со всем оборудованием была взорвана, правительство Соединенных Штатов сочло, что это слишком заметный ориентир для немецких подлодок. «Как будто в Нью-Йорке и окрестностях не было других внушительных сооружений, — с грустью подумал Саров, — я бы лично с радостью взорвал статую Свободы, на-доела она, и статуя, и...» Он махнул рукой.

1906

Создает принципиально новую конструкцию жидкостных, паровых и газовых турбин.

Странный, на первый взгляд, зигзаг. Все предыдущие изобретения Теслы были так или иначе связаны с электричеством, и вдруг — турбины. Но ведь в то время большую часть электроэнергии получали с помощью паровых машин возвратно-поступательного типа, не изменившихся принципиально со временем Ватта. Правда, появились и первые промышленные турбины, потомки ветряных и водяных мельниц, в них поток пара или воды ударял в лопатки, закрепленные на валу турбины, и тем самым вращал ее. В турбине Теслы поток ни во что не ударял, он проходил вдоль дисков, насаженных на ось, которая тем не менее вращалась. Да еще как! Первая турбина, собранная Теслой, имела толщину около 3 см, диаметр 15 см и весила меньше килограмма. При подаче в нее пара или сжатого воздуха она давала двадцать тысяч оборотов в минуту и развивала мощность в тридцать лошадиных сил. Движок в целом «умещался в шляпе». Тесла немедленно предложил лозунг, который красовался на его частных печатных бланках и конвертах: «Двадцать лошадиных сил на фунт веса». В сущности,

это была даже не цель, а констатация реальных возможностей. В конечном итоге Тесла стал использовать непосредственно газы, образующиеся при сгорании масла. Не требовалось ни парового котла, ни компрессора для получения сжатого воздуха, мощность многократно возросла, а конструкция двигателя была доведена до гениальной простоты. Самая большая турбина, собранная в те годы по чертежам Теслы, имела диаметр полтора метра. Дело было за малым — за предпринимателем, который бы обладал верой, энергией и деньгами, достаточными для того, чтобы довести изобретение до промышленного использования. Такового не нашлось, а крупные компании типа «Дженерал элек트рик», работавшие в этой области, уже сделали ставку на турбины другой конструкции. Пощадей на переправе не меняют. Очередное изобретение Теслы легло в стол, где и вылеживалось несколько десятилетий, пока интерес к нему не возродился.

1908

???

В который раз Саров размышлял над этими вопросами. Имел Тесла самое прямое отношение к Тунгусской катастрофе или все же не имел? Сделать это он принципиально мог, недаром в 1907 году он написал в письме в «Нью-Йорк Таймс»: «Относительно проектирования волновой энергии на любую отдельную область земного шара. Это может быть выполнено моими устройствами... Место, на которое требуется провести воздействие, может быть вычислено очень близко, если принимать правильные земные

размеры». А в следующем году уточнил: «Когда я говорил относительно военных действий в будущем, я подразумевал, что они должны быть напрямую связанны с применением электрических волн без использования воздушных аппаратов или других орудий разрушения. Это — не мечта. Даже теперь могут быть построены беспроволочные энергетические установки, под действием которых любая область земного шара могла бы быть превращена в непригодную для проживания, не подвергая население других частей серьезной опасности или неудобству». Выходит, что Тесла думал над этим, а под рукой у него была станция в Уорденклифе, которая, правда, уже несколько лет не функционировала. Хотя кто знает? Там оставались служащие, и сам Тесла периодически приезжал туда. Большим препятствием было отсутствие денег, то есть полное отсутствие. Но именно это могло подвигнуть Теслу на рискованный шаг — яркую демонстрацию возможностей его системы, чтобы привлечь потенциальных инвесторов.

Попробуем зайти с другой стороны. Описание Тунгусских событий не противоречит гипотезе об энергетическом ударе мощностью в десятки мегатонн, как сказали бы четыре десятилетия спустя. Чему оно противоречит, так это версии кометы или метеорита, следов которого, несмотря на тщательные поиски, так и не нашли. Собственно, это и породило множество версий относительно причин катастрофы, вплоть до крушения корабля инопланетян. Саров даже сплюнул от возмущения, не верил он во всякие НЛО и космических пришельцев, пусть даже его кумир утверждал, что он установил с ними связь. Саров

верил в данные физических измерений, а они зафиксировали в ночь катастрофы многочисленные изменения в электрическом и магнитном полях Земли. На размышления наводили и рассказы очевидцев о событиях той ночи, очевидцев, которые не знали о том, что произошло в центре Сибири. В Берлине наблюдали нечто, похожее на Северное сияние. В северной Европе видели массивные пылающие серебристые облака. Ученый из Голландии идентифицировал увиденное как пульсирующую массу, перемещающуюся поперек северо-западного горизонта, казалось, что в атмосфере происходит некое волновое движение. Свечение неба продолжалось всю ночь, причем оно было столь ярким, что в его свете можно было читать крупный текст. Все это очень напоминало описания результатов испытаний в Уорденклифе.

Но все же не мог Тесла сознательно нанести удар по Сибири, ведь в результате с лица земли были сметены несколько деревень. Тесла ненавидел разрушение и смерть, даже если бы кто-то уверил его, что в этой тайге нет ни одного человека, он ответил бы, что там есть птицы и звери. Другое дело, что он мог ошибиться в расчетах, ведь точные размеры Земли в то время не были известны. Акела промахнулся... Кратчайшая линия, соединяющая Лонг-Айленд с районом Подкаменной Тунгуски, проходит поблизости от Северного полюса. В те дни Северный полюс был у всех на устах, к нему намеревался отправиться Пири. Тесла вполне мог решить, что лучшего времени и места для демонстрации возможностей своей системы беспроводной передачи энергии ему не найти. Решить мог, но вот решил ли? Саров в который раз пришел к тому, с чего начал.

1912

Номинация на Нобелевскую премию.

Темная история. Даже в годе выдвижения есть разнотечения, одни биографы приводят 1912-й, другие — 1915-й. Казалось бы, чего проще, обратитесь в Нобелевский комитет в Стокгольме. Но Комитет хранит тайны не хуже Интеллиджанс Сервис или ЦРУ, публикуя архивы лишь по прошествии пятидесяти лет. Но и тогда в них зияют дыры, отсутствуют некоторые карточки для голосований. Одна из таких дыр пропала как раз на 1915 год.

О присуждении Нобелевской премии по физике Тесле и Эдисону как о почти неизбежном факте сообщила в ноябре 1915 года на первой полосе «Нью-Йорк Таймс». Что ж, Эдисона в том году выдвигали, и он тоже не получил премии. Тесле и Эдисону — возможно, в этом таится разгадка? Ведь недаром говорили, что Тесла отказался от Нобелевской премии, отказался получать ее вместе с Эдисоном. Эдисон — изобретатель, всего лишь гениальный изобретатель полезных устройств, «усовершенствованных мышеловок», как неоднократно говорил Тесла. Себя же он относил к открывателям новых сфер знания, новых принципов, руководствуясь которыми изобретатели создавали разнообразные устройства. Как можно ставить их с Эдисоном на одну доску? Да что Эдисон! Ведь есть еще Маркони! «Человек присоединяет к моей катушке некий разрядник и получает Нобелевскую премию!» — в запальчивости писал и говорил Тесла. На этом фоне Эдисон достоин дюжины Нобелевских премий, добавлял он. Нобелевский комитет справедливо счел это издевательской насмешкой, не

столько над Эдисоном, сколько над ним. Когда же Тесла заявил, что за любое из его изобретений он готов отдать все Нобелевские премии за следующую тысячу лет, премия ему больше не светила, по крайней мере, в ближайшую тысячу лет. «Ну и что, — подумал Саров, — мало ли выдающихся ученых так и не получили Нобелевскую премию? Это только в Советском Союзе трижды не-лауреат Государственной премии приравнивался к единожды не-лауреату Ленинской, да и то в шутливых рейтингах. Мир помнит только победителей, а любое поражение умаляет славу». Так рассудив, Саров вычеркнул этот пункт из жизнеописания Теслы.

1928

Патентует самолет вертикального взлета.

1931

Демонстрирует бесстопливный двигатель.

Последние 15 лет жизни Теслы — сплошная загадка. Несмотря на преклонный возраст, он продолжал интенсивно работать, но очень скромно рассказывал о результатах своей работы. Его отрывочные заявления порождали громкие сенсации, недоуменные вопросы и множество самых невероятных слухов. Он не утруждал себя объяснениями, вероятно, окончательно разуверившись в способности современников понять суть его идей. Он не объяснял даже принцип действия создаваемых им образцов устройств. Взять хотя бы этот двигатель...

Тесла прибыл на завод компании «Пирс-Эрроу» в Буффало, снял с нового автомобиля этой компании бензиновый двигатель и заменил его электромотором

переменного тока мощностью в 80 лошадиных сил без каких бы то ни было внешних источников питания. «А на чем он будет ездить?» — резонно спросили инженеры завода. «Будет вам энергия», — спокойно ответил Тесла и отправился в ближайший радиомагазин. Там он купил 12 электронных ламп, немного проводов, горсть различных резисторов и собрал из них какую-то электросхему в коробке размером 60×30×15 см, из которой наружу торчала только пара стержней длиной в палец. Он соединил эти стержни кабелем с электромотором, сказал: «Вот вам энергия!» — сел за руль и... поехал. Машина ездила неделю на скорости до 150 км/ч, привлекая толпы инженеров, журналистов и просто зевак. Разговоры крутились вокруг одного: в чем суть «трюка», ведь вечных двигателей не бывает. Те, кто не знал последней истины, склонялись к черной магии. Когда Тесла надоели эти комментарии, он снял с машины электромотор и таинственную коробку и был таков.

И вот уже семьдесят пять лет ученые, верящие а) в эту историю и б) в отсутствие «трюка», на которые был горазд Тесла, пытаются понять, что же было в той коробке? Или в электромоторе, который тоже нельзя сбрасывать со счетов, потому что Тесла привез его с собой, а не купил в магазине. Пытался и Саров. Выходило, что в принципе такое возможно. Конечно, это не был вечный двигатель в строго научном понимании этого термина. Источником энергии могло выступать земное электричество. Земля, как известно, заряжена отрицательно. Положительно заряженные частицы космического излучения тормозятся в ионосфере — верхней части атмосферы. Между Землей и ионосферой — воздух, то бишь изолятор. Получаем клас-

сический конденсатор, в котором запасена огромная энергия, которая вдобавок подпитывается за счет солнечного излучения. Тесла каким-то образом научился черпать энергию из этого неиссякающего источника. Вариантов здесь несколько. Можно, например... Нет, нет, остановил себя Саров. Не будем изыматься над потенциальным читателем. На пальцах не объяснить, а если изложить как положено, то понять можно только при наличии специального, но очень специального образования. Так что дадим гиперсылки на сайты, где все это детально обсасывается, пусть тот, кому это интересно, туда обращается.

А с этим что делать? Он посмотрел на следующие строки.

1936

Делает проектные предложения по оборонительному оружию, известному как «лучи смерти».

1936–1942

Разрабатывает систему защиты от излучения радиорадаров — технология Стэлс.

Вокруг всего этого столько всяких сплетен... Источником их был, в первую очередь, сам Тесла, который любил давать интервью и писать письма в редакции газет. А уж журналисты были горазды расцвечивать досужими домыслами любое его заявление. С другой стороны, известно, как ФБР охотилось за бумагами Теслы и то, что не все его работы рассекречены даже в наше время. Опять же, технология Стэлс есть, лазерное оружие есть, как и многое другое, над чем работал и о чем писал Тесла. Теперь уже не докопаться, его это разработки или нет.

1943, 7 января

Скончался в Нью-Йорке.

Шестого или седьмого — какая в сущности разница! Все отступает перед непреложностью, неотвратимостью и необратимостью смерти. Остается голый факт.

Глава 5

Игра

Саров посмотрел на часы. Одиннадцать. Еще час, и этот трехдневный день кончится. Из иконки в правом нижнем углу дисплея выскочила фигурка почтальона с письмом в руках. «Выскочил из иконки как черт из табакерки», — усмехнулся Саров. Что же ты мне принес? Или не смотреть, отложить до завтра?

Письма ему приходили разные, случалось, что и от форменных сумасшедших. Льнут психи к загадочным явлениям и мистическим фигурам и своими воплями вкупе с бредовыми измышлениями дискредитируют Идею! Взять тех же «Наследников Теслы». На эту группу Саров натолкнулся случайно во время блужданий во Всемирной паутине. Или они сами на него вышли? А, неважно! Сайт у них был хороший, Саров почерпнул с него несколько поразительных фактов из жизни Теслы, вот только слишком большое внимание уделяли они всяким паранормальным штучкам. А уж когда завязалась переписка, они просто задолбили его всякими вопросами о тонкой материи, ментальных планах, структуре эфира и возможности обращения времени. Насилу отвязался.

Но как не посмотреть письмо? А вдруг... Даже большие боссы во время судьбоносных совещаний не могут удержаться от того, чтобы посмотреть поступившее по электронной почте послание. И ведь знают наверняка, что ничего неотложного или даже сколько-нибудь важного в нем нет, но рука сама кликает мышкой, а глаза скашиваются на дисплей компьютера. Говорят, что от этого уже лечат, стационарно, с переменным успехом.

Вот и Саров кликнул.

«Дорогой доктор Саров,
я располагаю документами, подобранными и составленными Николой Тесла в последние дни его жизни. Зная ваш искренний и бескорыстный интерес к наследию великого мыслителя и изобретателя, я готов предоставить эти документы в ваше полное распоряжение. Буду благодарен за быстрый ответ. На сколько я могу судить, документы представляют чрезвычайную важность.

*Искренне ваш,
Фрэнсис Клиффорд».*

Саров хмыкнул. Очередной сумасшедший? Вполне вероятно. Но просто так отмахиваться нельзя — в жизни случаются удивительные вещи! Прощупаем осторожненько. В том же канцелярском стиле.

«Дорогой мистер Клиффорд,
очень признателен за ваше письмо. Любая информация о жизни и творчестве Николы Теслы чрезвычайно важна для искренних почитателей его гения. Тем более когда речь идет о документах, составленных самим изобретателем в последние дни его жизни.

Как известно, архив Николы Теслы после его смерти и последовавшей долгой тяжбы с официальными органами был передан наследникам Теслы и в настоящее время находится в музее Теслы в Белграде. Вы располагаете копиями этих документов?

*Искренне ваш,
Питер Саров».*

О наследниках Теслы он упомянул нарочно. Если адресат из «Наследников Теслы», то непременно проговорится, а то и взовьется: это мы истинные наследники! Тут и сказке конец.

Ответ не заставил себя ждать.

«Дорогой доктор Саров,
не ожидал столь быстрого ответа. Спасибо. Предвижу ваше удивление, но как бы то ни было, часть из попавших в мои руки документов являются рукописными оригиналами, на одном из них стоит дата — январь 5, 1943. Допускаю, что копии некоторых из этих документов могут находиться в музее Теслы в Белграде или в других местах, но они закрыты для ознакомления. В противном случае о них было бы известно. Они не могли пройти незамеченными, их публикация вызвала бы громкую сенсацию».

5 января 1943 года — день, когда Николу Теслу последний раз видели живым. Уже интересно!

«Дорогой мистер Клиффорд.
вы меня действительно удивили, все мемуаристы единны в том, что в последние дни и даже месяцы жизни Тесла ничего не писал из-за тяжелой болезни. Поэтому даже простая записка для метрдотеля пред-

ставляет несомненную историческую ценность как последний автограф мастера».

«Питер! Это не записка метрдотелю! И Тесла не был болен в обычном понимании этого слова. Он сохранил абсолютную ясность мысли до самого своего ухода. И тщательность подбора документов в имеющемся у меня комплекте (речь идет именно о комплекте) подтверждает это. На первый взгляд, это беспорядочная смесь вырезок из газет, старых писем и записок, счетов, карандашных набросков каких-то схем и устройств, математических расчетов, сделанных на бумажной салфетке в ресторане, отрывочных набросков для мемуаров, рукописей старых статей, всего того, что обычные люди, не имея решимости выбросить этот мусор, складывают в коробку из-под обуви и запихивают на верхнюю полку антресолей. Но все в целом это производит впечатление некоего зашифрованного послания, даже, если угодно, своеобразного завещания».

Эка тебя прорвало! Какая экспрессия! А ведь я ни о чем таком тебя не спрашивал. Что-то тут не то...

«Фрэнсис, вы интригуете меня! Но почему — меня? В мире найдутся сотни специалистов по Тесле, которые знают о его жизни в тысячи раз больше меня. Они посвящают этому все свое время, а для меня это лишь хобби. А зашифрованные послания и тем более завещания вообще не по моей части. Я всего лишь физик».

«Вы угадали причину моего обращения именно к вам. Дело в том, что значительное место в имеющих-

ся документах занимают технические детали, а мое образование не позволяет оценить значимость этих документов».

«Среди упомянутых мною сотен исследователей творческого наследия Теслы имеется немало людей с физическим образованием».

«По причинам, которые вы при ознакомлении с документами сочтете очень весомыми, мне не хотелось бы раньше срока выносить их на всеобщее обсуждение. Сначала надо разобраться в сути документов, расшифровать послание. Я очень прошу вас помочь мне в этом».

Помочь! Это мы понимаем. Это уже ближе к правде. Похоже, какие-то документики у тебя действительно есть, откуда — это второй вопрос, это мы попытаемся вытянуть, потом. И интересует тебя их значимость, ценность, продешевить боишься! Разумно!

«Вы сказали, что готовы предоставить документы в мое полное распоряжение. Я не рискну взять на себя такую ответственность. Независимо от их содержания, они имеют огромную ценность, в том числе материальную. Если вы выставите их на аукцион, вы сможете получить большие деньги».

«Вы рассуждаете, как истинный американец. Как видно, годы, проведенные в Америке, наложили на вас отпечаток».

Так, в англоязычном Интернете я точно не выставлял напоказ свое российское происхождение. Впрочем, не великий секрет, при известной настойчивости узнать можно. Значит, справочки навел. И

точно не бывший коллега, у всех коллег образование позволяет...

«А вы не американец?»

«Американец. В двузначном поколении. Поэтому поступлю я в конце концов именно так, как вы советуете. Только вот о больших деньгах иллюзий не пытаю. Покупатель уже имеется, и как только он узнает о существовании этих документов, то до всякого аукциона сделает предложение, от которого нельзя будет отказаться».

Не сумасшедший!

«Да, в госдепе и ФБР сидят редкие скряги».

«Вы бесшабашны, как все русские. Упоминать ФБР в открытой переписке! Или вы верите в демократические ценности?»

Сейчас не об этом!

«У вас есть опыт общения с русскими?»

«Небольшой, но оба они были немного сумасшедшими. На американский взгляд, конечно».

«Возможно, вы имели дело с русскими евреями, они действительно немного сумасшедшие. На наш взгляд».

«Ай-яй-яй, как неполиткорректно! Нет, те были русские, Иван и Николай, как Тесла. И они были сумасшедшими. Надеюсь, что и вы такой же».

Даже так!

«Это необходимое условие?»

«Я не совсем понимаю. При чём здесь условия? Я не говорил ни о каких условиях. Никаких условий. Никаких обязательств с вашей стороны. Вы вольны делать все, что захотите. Но возможно, что, если вам удастся расшифровать послание, вы захотите кое-что сделать. А для этого надо быть сумасшедшим. Достаточно сумасшедшим».

Я, конечно, сумасшедший, если вдуматься, но не люблю оставаться в дураках. Меня во что-то втягивают, во что-то, требующее не слов, не советов, не анализа текстов, а дел. Мне это нужно? Сейчас-то уж точно не нужно. Мне работу искать нужно, а попробуй ее найди в условиях кризиса и всеобщего сокращения. С другой стороны, пустой уик-энд и никаких обязательств...

«Боюсь, что вы обратились не по адресу. Я человек здравомыслящий. Но я с удовольствием посмотрю документы, все или ту часть, которую вы сочтете возможным показать мне. По счастливой случайности я ничем не занят в наступающий уик-энд, поэтому могу уделить вашей проблеме достаточно времени. Вы можете отсканировать документы и переслать мне по электронной почте?»

Уже отправив послание, Саров перечитал его и рассмеялся. Ох уж эти клише! По счастливой случайности!.. Надо же такое написать!

«Не уверен, что это хорошая идея. Как я уже говорил, мне не хотелось бы, чтобы содержание документов было оглашено до срока. А информация в Интернете имеет свойство утекать и растекаться. Часто помимо нашей воли и против нашего желания. Не так ли?»

Да что ты все о сроке?.. О каком таком сроке? Мысль промелькнула при чтении первой части послания, но тут же была прихлопнута последним вопросом. На что он намекает? На сегодняшнее происшествие? Но о нем никто не знает, кроме его коллег по лаборатории. Может быть, весь этот роман в электронных письмах всего лишь розыгрыш? Но кто из них на такое способен? Английский в письмах правильный, и его корреспондент явно не затрудняется в выборе слов, ишь как шпарит, оглянуться не успеешь, как ответ уже на экране, будто подготовлен заранее. По языку проходят только американки, но, во-первых, бабы, во-вторых... Саров подавил неполиткорректное высказывание. Есть еще Эпштейн, но тот бы взвился на шутку о русских евреях, у него на этом пунктик. Ах да, Большой босс! Этот вполне может. Умный, гад, этого не отнимешь, и по отзывам людей, знавших его раньше, до того, как он выбился в начальники и стал корчить из себя большого босса, был парень хоть куда. Но у него молодая жена, с такой у компьютера ночью не посидишь.

«У вас есть другие идеи?» :

«Мы можем встретиться. Наше дело таково, что требует полного доверия. Чтобы у вас не возникало мыслей о розыгрыше, афере или фальсификации. Партнеру надо смотреть в глаза. Документы необходимо подержать в руках, они несут ауру писавшего. Сделать это предпочтительно в спокойной обстановке. Например, у меня в доме. Я живу неподалеку, не-подалеку по американским и тем более русским меркам. Как вам такое предложение?»

«Обсуждаемо. Мне надо прикинуть мой график».

«В любое удобное для вас время».

«Я подумаю».

* * *

Он клюнул, сестренка! Нет, он заглотил крючок!

* * *

А Саров действительно задумался. Потом посмотрел на часы. 23.59. Надо же! Как быстро пролетело время. Вот и конец черной пятницы. Что ж, продолжим наши игры.

«Дорогой Фрэнсис, не могли бы вы рассказать мне о том, как к вам попали эти документы. Отнюдь не настаиваю на этом, но история документов обычно служит весомым аргументом в пользу их подлинности. («Или неподлинности», — подумал Саров. Нехорошо получилось. Он стер последние слова и напечатал по-новому.) ...история нахождения документов во многих случаях позволяет проследить их путь и уточнить время создания».

Если скажет, что купил что-то на распродаже: комод, шкатулку, цилиндр или старое пальто, и обнаружил бумаги в потайном ящичке или за подкладкой, посылаю к черту, решил для себя Саров.

«Понимаю ваш интерес, Питер, и непременно рассказал бы обо всем при встрече. Но мне известен лишь конец истории, по сути дела, ничего, так что я вполне могу уложить это в несколько строк письма.

Документы находились в шкатулке. Шкатулка находилась в моем доме, вернее, в доме моих родителей. И находилась там всегда, на памяти моего отца. Его отец, мой дед, всегда с большим почтением относился к шкатулке, лично протирал ее тряпкой от пыли, но никогда не открывал ее. Возможно, у него был ключ, но мне об этом неизвестно. Меня всегда интересовала эта шкатулка, собственно, мне нравилась сама шкатулка, и я знал, подо что ее приспособить. Полгода назад я взял пилку для ногтей и открыл шкатулку. В ней были документы. Я подумал, что документы имеют отношение к нашей семье, и просмотрел их. Я краем уха слышал о Николе Тесле и сразу сообразил, что его автографы могут представлять определенную ценность. Остальное вы знаете».

«А ваш отец (нельзя, остановил себя Саров, вдруг отец умер, неудобно получится. Стер.). А вы не знаете, случайно, как шкатулка попала к вашему деду. Возможно, на этот счет имеются какие-то семейные предания?»

«К сожалению, мне известна лишь последняя часть истории».

«Ваша семья жила в Нью-Йорке?»

«Насколько мне известно, нет. Но мы довольно часто переезжали, поэтому точно сказать невозможно. Можно придумать множество историй о том, как шкатулка попала в наш дом, но все это будут придуманные истории. В этой истории есть конец, но нет начала».

«Начало известно. Вы сказали, что на одном из документов имеется дата — 5 января 1943 года».

«Это всего лишь дата. Что произошло в тот день, мы никогда не узнаем».

«Вы в этом уверены?»

Саров сидел и ждал ответа. И незаметно для себя задремал. Ему не впервые, было засыпать в кресле перед компьютером. Он даже научился отлично высыпаться при этом. Вот только шея затекала, да сны беспокоили.

Глава 6

Последний день

Белоснежная голубка со светло-серыми пятнышками на крыльях, сделав круг над крышей гостиницы «Нью-Йоркер», плавно опустилась на парапет, шедший вдоль окон четвертого этажа, и, наклонив голову, заглянула внутрь. Сквозь неплотно задвинутые шторы она увидела спальню с разобранной постелью. У зеркала, вполоборота к окну, стоял очень высокий и чрезвычайно худой мужчина и повязывал галстук в красную и черную полоску. Он был очень стар, этот мужчина, но движения его длинных пальцев были точны и уверенные.

Голубка заворковала, пытаясь привлечь внимание мужчины, но он ее не услышал. Тогда она расправила крылья и стала бить ими в стекло. Мужчина обернулся, всплеснул руками и устремился к окну шаткой журчающей походкой.

— Вот ты и вернулась, любовь моя, — сказал он, распахивая окно.

Он взял голубку на руки, нежно прижал ее к груди и перешел в другую комнату.

— Ты перепутала окно, небесное создание, — сказал он, — видишь, вот это окно всегда открыто в ожидании тебя, в любое время дня и ночи, зимой и летом. А вот насыпан корм для тебя и налита свежая вода.

Он опустил голубку на резной дубовый стол, на котором стояли несколько блюдец с пшеном и ячменем и плошка с водой. Вся поверхность стола и дверцы, стоявшего рядом буфета были заляпаны птичьим пометом.

— Сюда повадились прилетать твои братья и сестры, — пояснил мужчина, — некоторые из них даже живут у меня по несколько дней в холодную погоду. Смотри, какие я сделал для них постели, — он показал на ряд плетеных корзин, низ которых был выстлан тряпками. — Я их не гоню и все время подсыпаю им корм. Люблю я ваше племя! Вы лучше людей, вы ближе к природе, к Богу. Вы — мои единственные друзья, а ты — моя единственная любовь. Но что же ты ничего не ешь? Или тебе не по вкусу мое скромное угождение? А хочешь бисквита, сладкого, нежного бисквита? Я сейчас распоряжусь!

Он сделал резкое движение, потянувшись к телефону. Ноги его подломились, он едва сумел сделать шаг в сторону и рухнул в кресло. Голубка переступила лапками и внимательно взиралась на мужчину круглыми серыми, под стать пятнышкам на крыльях, глазами.

— Видишь, какой я стал слабый, — извиняющимся голосом сказал мужчина, — никогда не думал, что мой срок придет так рано. Мне казалось, что я всегда буду

нужен людям, не сам я, конечно, а мои идеи, открытия, изобретения, которые делают жизнь людей более приятной, удобной, свободной, насыщенной. И благодарность людей, их любовь и восхищение моими действиями будет столь же вечно питать мою жизненную силу. Ах нет! Люди забыли меня при жизни, а те, кто еще помнят, хотят от меня только одного — все новых, более мощных и убийственных средств разрушения. Зачем мне жить? Полгода назад я расстался с людьми. Я отдал им свою последнюю разработку, итог пятидесяти лет работы. Временной декодер, всего-навсего! А они чуть не рассмеялись мне в лицо, а за спиной крутили пальцами у виска. Я ушел, ушел от них. И теперь собираюсь продолжить свой путь. Но я где-то ошибся в расчетах. Мне осталось одно дело, возможно, самое важное дело этого цикла моей жизни, а у меня недостает на него сил. Я мог бы сделать его раньше, но оно не таково, чтобы делать его загодя, без сигнала. Я ждал сигнала, а силы мои таяли, в результате мы имеем то, что имеем. Такие вот дела. Ты улыбаешься?!

Голубка действительно улыбалась, ее глаза смотрели ласково и нежно. Вдруг из них полился свет. Мужчина был волшебником света, именно он дал людям свет, который заливал теперь города по всей земле, но никогда в своих экспериментах он не получал такого сильного, яркого и ослепительного света. И с этим светом в его тело вливались силы и бодрость.

Но вот свет погас. Угасла и голубка. Она лежала на боку, не сводя глаз с мужчины. Он легко поднялся с кресла, подошел к столу, погладил остывающее тельце, нежно провел пальцами по голове, закрывая глаза, как человеку.

— Мы расстаемся ненадолго, — сказал он и продолжил раздумчиво: — Ты ждал сигнала, ты его получил. Вместе с энергией, которой должно хватить на выполнение последнего дела. Так не будем медлить! — Голос его окреп и зазвенел. — Завтра сочельник, наш добрый православный сочельник. Лучшего времени для ухода не найти! Я еще успею к праздничному столу у именинника!

* * *

Дороти постучала в дверь номера.

— Это Дороти, горничная, мистер Тесла. Время уборки, — крикнула она.

Стук без крика не имел действия. Крик без стука вызывал неудовольствие. Постоялец был строптив и своенравен, все его боялись как огня, даже важный метрдотель. Сколько раз ему приходилось полностью менять сервировку стола из-за маленького пятнышка на скатерти или севшей мухи! А стол-то отдельный, никто не смел за него садиться. Постоялец уже года три не спускался в ресторан, но стол для него всегда держали наготове, как й горячее молоко — единственную еду и питье, которые он употреблял. Все боялись старика, кроме Дороти. Наверно, потому, что ее дед был точно таким же — строптивым, свое-нравным, придиличивым, капризным, крикливым, но при этом очень добрым. Вот и у мистера Теслы уже лежит наготове квотер для нее, а если она вдруг вызовет ненароком его неудовольствие и он сорвется в крик, то она получит все два.

— Входите, мисс.

Тесла стоял на пороге номера и внимательно всмат-

ривался в лицо Дороти, как будто в первый раз ее видел. Дороти тоже окинула взглядом постояльца. «А он сегодня выглядит много лучше, чем в последние недели, даже вроде бы порозовел. Вот ведь старый, а какой элегантный мужчина. Эта белоснежная шелковая рубашка!.. Дорогущая, наверно! А халат — упасть и не встать! И как выбрит — аж блестит. И ведь сам со всем управляетя, это в восемьдесят-то шесть лет!»

Тесла шагнул в сторону, сделал приглашающий жест рукой и даже немного наклонил голову.

— Присаживайтесь, мисс.

— Нет, спасибо, я лучше постою. А еще лучше — примусь за уборку, у меня много работы.

— Вы трудолюбивая девушка. Приступайте. А я с вашего позволения немного поболтаю с вами, одинокий, всеми забытый старик. Как вас зовут, мисс?

— Дороти, мистер Тесла.

— Вы замужем? У вас есть семья?

— Да, мистер Тесла, замужем, уже четырнадцать лет. И дети есть, мальчик и девочка.

— Очень хорошо. Но почему вы работаете?

— Великая депрессия... С того времени и повелось. А ведь еще родители, мы живем вместе. Отец так и не нашел работу.

— Да, тогда всем пришлось несладко. Никто не хотел вкладывать деньги в научные исследования, в создание новых аппаратов. Мне пришлось... Но что же это я все о себе да о себе. Лучше вы, мисс, расскажите мне, как вы живете, чем занимаете, что любите готовить и часто ли вы ходите в кино.

Вопросов у Теслы было множество, их хватило в

аккурат до конца уборки. Дороти, скованная поначалу, разговорилась и даже, не переставая болтать, иногда думала о своем, как дома. «Вот ведь какой странный человек! Помешан на чистоте, выбрасывает новые, почти не ношенные перчатки и раз использованные салфетки, носовые платки и воротнички — сколько я их вынесла! Всю посуду ошпаривает кипятком, даже серебряную. И при этом терпит у себя этих голубей, всю грязь, что они разводят, нянькается с ними, как с детьми».

— Верите ли вы в Бога, мисс? — прозвучал последний вопрос.

Дороти застыла в замешательстве. Нет, в Бога-то она верила, ведь выросла в набожной семье, она, помнится, говорила об этом мистеру Тесле. Но вот не вызовет ли ее прямодушный ответ раздражения? Ведь мистер Тесла — ученый человек, а все ученые — безбожники. А еще поговаривают, что он занятся с нечистым. Она-то этому не верит, но все же боязно.

— Верую, — сказала она тихо, набравшись решимости.

— Очень хорошо! Безверие и пренебрежение гигиеной — вот два врага, которые способны уничтожить человечество, — провозгласил Тесла и тут же нашел еще один вопрос: — Верите ли вы в то, что Господь всеблагой рано или поздно все устроит наилучшим образом?

— Верю. А без этого как жить? — пожала плечами Дороти.

— Вы хорошая девушка, мисс. У меня есть к вам просьба. Она нисколько не обременит вас, а мне и, возможно, человечеству вы окажете большую услугу.

— Я все сделаю, как вы попросите, мистер Тесла.

— Одну минуту! — Тесла вышел из комнаты и тут же вернулся, неся в руках невысокую шкатулку красного дерева размером чуть больше стандартного листа писчей бумаги с латунным врезным замком. — В этом ларце хранятся чрезвычайно важные бумаги. Я нижайше прошу вас сохранить его, — он действительно низко поклонился и протянул шкатулку Дороти.

Она протянула было руки, чтобы взять ее, но замерла в нерешительности.

— Сохранить для вас, мистер Тесла? — спросила она наконец.

— Нет. За ней придут.

— Кто?

— Не знаю.

Дороти округлила от изумления глаза.

— А когда?

— Тоже не знаю. Но не скоро. Может быть, через десять лет, а вернее — через пятьдесят.

— Я, наверно, столько не проживу.

— Я тем более! — улыбнулся Тесла. — Поэтому я завещаю ларец вам, а вы завещайте его своим детям, внукам.

— А что я, мы, — поправилась Дороти, — должны делать?

— Абсолютно ничего. Просто хранить ларец. Поставьте его на чердак, на антресоли, куда угодно в доме, но так, чтобы его всегда можно было найти и достать в урочиный час, и — все!

— Это — все?

— Да, мисс, все. Очень просто.

— А если в дом вдруг попадет молния? — на лице

Дороти отразился неподдельный ужас. — Ведь она может сгореть.

— Мисс, вы знаете, что меня называют повелителем молний?

— Не знаю.

— Тем не менее это так. Вы можете прочитать это в старых газетах. Так вот, я, Никола Тесла, повелитель молний, гарантирую вам, что до тех пор, пока в вашем доме находится этот ларац, в него не попадет молния.

— Вы так добры! — воскликнула Дороти с радостью, протягивая, наконец, руки за шкатулкой. — Я очень боюсь молний. Вот только, право, не знаю, справлюсь ли я, — сказала она с вернувшейся неуверенностью.

— Вы справитесь, — сказал Тесла, — я очень на вас надеюсь. На вас и на Него, — он поднял глаза вверх, — и еще, как и вы, я верю, что Он все устроит наилучшим образом.

* * *

— Эта недалекая девушка сразу ухватила суть, — пробормотал Тесла, — попала в точку. Случайность, глупая, досадная случайность — вот что может помешать исполнению моего плана. Стихийное бедствие, непогашенная сигарета, простая забывчивость... Конечно, если Он захочет, чтобы посылка дошла до адресата, то ничего этого не случится. Этот молодой человек, так много напутавший в вопросе о пространстве и времени и запутавший весь мир, несомненно прав в одном: Бог не играет в кости. Ему свойственна определенность, даже предопределенность и — никаких случайностей. Но мы-то, люди, мы так не можем, мы сомневаемся, колеблемся, подсчитываем шансы

и стремимся увеличить вероятность выигрыша. Я всего лишь человек!

Он подошел к телефонному аппарату.

— Мисс, соедините меня, пожалуйста, с ближайшим офисом «Вестерн Юнион». Спасибо. Добрый день. Никола Тесла у аппарата. Пришлите, пожалуйста, в мой номер в отеле «Нью-Йоркер» мистера Карригена. Да, только его. Как обычно.

Тесла прошел в соседнюю комнату, выполнившую функции кабинета и приемной, достал из книжного шкафа невысокую шкатулку красного дерева размером чуть больше стандартного листа писчей бумаги с латунным врезным замком, поставил ее на письменный стол, опустился на стоящий рядом стул, придвинул к себе чистый лист бумаги и задумался.

«Скольких людей я повстречал за свою долгую жизнь, со сколькими вместе работал, скольких озолотил и скольким помог, а на закате жизни не к кому обратиться с пустяшной, по видимости, просьбой. Кто может выполнить ее от слова до слова, не задавая глупых вопросов и не сужаю нос в шкатулку? Никто. Кроме одного человека!»

Тесла взял карандаш и принялся писать, старательно выводя буквы: «Дорогой Сэмюэл! Я впервые позволил себе обратиться к тебе по имени, потому что это обращение — последнее. Я прошу тебя сохранить прилагаемый ларец с содержащимися в нем документами для вечности. Ты придумаешь, как это сделать. Любящий тебя Ник».

Он аккуратно сложил письмо в три раза и вложил его в узкий почтовый конверт. В этот момент раздался осторожный стук. Тесла прикрыл шкатулку и кон-

верт развернутой «Нью-Йорк Таймс» и поспешил к входной двери.

— Прошу вас, мистер Карриген. Весьма признателен, что вы так быстро отклинулись на мою просьбу.

— Не стоит благодарности, мистер Тесла. Вы мой самый старый и самый любимый клиент. Что, надо опять покормить голубей на площади у Публичной библиотеки? Сделаю с удовольствием. Привык я за эти годы к этим птахам. Они такие забавные! Не поверите, но я и сам иногда хожу их кормить.

— Ходите и впредь! Раскрою мой самый большой секрет: только благодаря голубям я сумел дожить в добром здравии до столь солидного по земным меркам возраста.

— Правда?

— Я всегда говорю правду и только правду. За каждое семя, что вы бросите божьим птицам, их небесный покровитель прибавит вам минуту жизни. Я это знаю доподлинно. Но сегодня у меня к вам другое поручение. Я прошу вас сходить к мистеру Марку Твену и передать ему от меня посылку и письмо. Он живет в Грамерси-Парке, нет-нет, извините, как же я запамятовал, он переехал на Пятую Южную авеню, дом 35, если не ошибаюсь. Вы там спрашивайте. Марк Твен — знаменитый человек, его все должны знать.

Посыльный пребывал в явном смущении. Марк Твен умер, давно умер, насколько давно, он точно не знал, но когда он читал «Приключения Тома Сойера», автор был уже записан в бессмертные классики.

— Прошу меня извинить, мистер Тесла, — замялся он, — но, насколько мне известно, писатель Марк Твен

... уехал, — нашелся посыльный, — уехал из страны, давно. Он теперь в Европе.

— Вы что-то путаете, — мягко сказал Тесла, — мой старый друг третьего дня сидел вот в этом самом кресле и читал мне своего «Загадочного незнакомца». Занятная вещица! Между нами говоря, этот загадочный незнакомец списан с меня, — добавил он с гордостью. — Так что идите и ищите.

Тесла вышел из комнаты и тут же вернулся, неся в руках шкатулку и письмо.

— Да, кстати, чуть не забыл! Мой друг вечно сидит без денег. Передайте ему, пожалуйста, — он открыл другую шкатулку, стоявшую на столе, и сгреб немногочисленные купюры, лежавшие на дне, — вот, сто долларов. Я положу их в конверт.

— Мне ждать ответа? — со страхом выдавил посыльный.

— Ни в коем случае! Мой старый друг, увидев деньги, может оскорбиться — он такой ранимый, артистическая натура! Так что вы вручите ему посылку с письмом и сразу уходите.

— Я так и сделаю!

Глава 7

Голоса за дверью

По прошествии полутора часов из лифта вышел представительный моложавый мужчина и уверенным шагом направился к номеру Теслы. Он уже положил руку на дверную ручку, когда из номера донеслось:

— Я впервые услышал Его голос в восемнадцать

лет, во время болезни. У меня была холера, и я, болезненный от рождения, находился на грани жизни и смерти. Мой отец, священник, уже готовился к саборованию, да и я сам потерял всякую надежду.

«Дядя Нико! С кем это он разговаривает? — изумился мужчина. — Он же несколько недель никого не принимал. Даже отказал во встрече Элеоноре Рузвельт, супруге президента. И голос какой-то странный, помолодевший». Мужчина опустил руку и застыл, приблизив ухо к двери.

— А что, до этого случая не было ничего э-э-э такого, необычного, связанного с Ним? — раздался хрипловатый голос.

— Необычного — нет, не было. А обычное было. Ведь Бог был своим в нашем доме, он был всегда со мной, в мыслях и делах. Вот, помню, гладжу я, маленький мальчик, спину нашего кота Мачака, а с моей ладони сыплются искры. «Что это такое», — спросил я отца. «Это всего лишь электричество, — ответил он мне, — то же самое, что можно видеть на деревьях во время грозы». Так я впервые в жизни услышал слово электричество, но не оно занимало мои тогдашние мысли. «Природа — тоже кошка?» — спрашивал я себя. Если да, то кто гладит ее по спине? Это может быть только Бог, решил я.

Тогда же, в семь лет, я получил первый урок неисповедимости Его путей. У меня был брат Данэ, старше меня все на те же семь лет. По отзывам окружающих, он был чрезвычайно одарен, а я просто боготворил его, как младший брат старшего. Однажды он отправился на конную прогулку на нашей лошади арабских кровей, обладавшей почти человеческим разумом. И

она сбросила его! Родители, особенно мать, так и не оправились от гибели их любимца. По сравнению с его талантами мои казались бедным подобием. А если я делал что-нибудь стоящее, родители лишь еще глубже ощущали горечь потери.

С тех пор я пребывал в мучительном одиночестве в кругу родных и близких, меня преследовали мысли о боли и смерти, я жил в непреходящем страхе, думая о злых духах, привидениях, людоедах и других представителях темных сил. Я искал защиты у Бога и постоянно обращался к Нему в своих детских молитвах. Все шло к тому, что я стану священником. Так хотел мой отец, в пользу этого говорили традиции моей семьи, в которой священнический сан наряду с военным поприщем был привычным призванием, у меня самого не было оснований противиться этому, кроме каких-то смутных видений и ожиданий, свойственных, впрочем, всем юношам. Я все откладывал решение, говоря отцу: «Как я могу стать священником? Ведь я люблю не людей, а человечество. Не церковь, а Бога!» И тут случилась эта болезнь...

— Да-да, расскажи о болезни!

— После окончания школы, а учился я далеко от родительского дома, в Карловаце, я получил письмо от отца. Он велел мне не возвращаться домой, потому что в округе свирепствовала эпидемия холеры. Но какая-то сила неотвратимо ввлекла меня к дому, я пренебрег приказом, вернулся и — заболел. Я провел в постели девять месяцев и был истощен до крайней степени, как говорят в наших краях: дышал на ладан. Но мозг мой работал с прежней ясностью, и все чувства были обострены. И вот я услышал: ты выздоро-

веешь. Что я должен для этого сделать, спросил я. Покориться моей воле и следовать предначертанным путем. Что я должен для этого сделать, повторил я. Для начала — поступить в лучшее инженерное училище в мире, упорно учиться, потом еще более упорно работать и сделать открытия, которые облагодетельствуют человечество.

И это все, спросил я. Этого более чем достаточно, это тяжелая ноша, не всем под силу вынести ее. Слова об упорном труде и тяжелой ноше повернули мои мысли в новом направлении. А что я за это получу, спросил я. Вот ты уже и торгуешься, проворчал мой невидимый собеседник. Что ж, если мы заключим договор, то ты получишь, во-первых, здоровье, это сейчас для тебя, как мне кажется, важнее всего. Во-вторых, долгую жизнь. Ты будешь жить и в следующем, двадцатом веке, и в двадцать первом... Это что же, минимум сто пятьдесят лет, невежливо и опрометчиво прервал я Его. Ты уже разочаровываешь меня, проворчал Он — Он вообще довольно ворчливый старик. У тебя такие маленькие запросы. Никто тебя за язык не тянул... Впрочем, это ты сам решишь, потом, а пока о главном. Главное, что я дам тебе, — талант. Талант проникновения в суть явлений, талант видения явления целиком, а не по частям, что свойственно подавляющему большинству людей, и талант превращения увиденного в устройства, работающие на благо людей. Отпущенная тебе мера таланта будет такова, что, если ты реализуешь его хотя бы наполовину, люди назовут тебя гением, возможно, величайшим гением в истории. Я, конечно, буду помогать тебе, но

.только в том случае, если ты будешь честно выполнять условия договора.

— А счастья — счастья ты у Него не попросил?

— Нет, счастья я не попросил, а Он не предлагал. Да и что такое счастье? Счастье — такая абстрактная штука, а у меня голова шла кругом от куда более простых вещей, от вечности, от таланта, щедро предложенных мне. Я не мог охватить их своим неокрепшим умом, мне нужно было что-то конкретное. И Он откликнулся на мой безмолвный вопрос. У меня над кроватью висела картина...

— Что же остановился? Расскажи о картине.

— Просто я вспомнил, как первый раз увидел водопад. Это было на Глитвичских озерах. Они находились в дне пути от нашего дома, и мы иногда ездили туда всей семьей.

Прекраснейшее место на земле, и водопады, их там много, его главное украшение. Позже я прочитал о Ниагарском водопаде и, только представив его, был буквально заворожен его мощью. Я раздобыл рисунок с его изображением и прикрепил к стене в ногах кровати. Бывало, я часами разглядывал его, о чем-то мечтая, а во время болезни он один укреплял мои силы. И вот Он приковал мой взгляд к рисунку и сказал: ты обуздаешь его. Эти слова решили дело, я немедленно согласился. И сразу почувствовал, как из меня с обильным потом вытекает болезнь. Я хотел тут же встать и побежать к матушке, известить ее о моем чудесном выздоровлении, но Он удержал меня. Ты еще слишком слаб, сказал Он, тебе надо набраться сил. Я могу остановить болезнь мановением руки, но восстанавливать гибкость членов и наращивать мышцы тебе придется самому. Это как с судьбой. Я могу из-

менить ее линию, но каждый человек должен сам пройти свой путь, я не вмешиваюсь в свободный выбор и сужу лишь по результату. И не забывай, что наш договор должен оставаться в тайне, его раскрытие послужит, несомненно, вяющей моей славе, но тебе может только повредить. Еще одно соображение: я люблю, когда все делается по правилам, мною же установленным, вы это почему-то называете — по-людски. Поэтому получи родительское благословение, негоже начинать благое дело с ссоры. Я сгорал от нетерпения, ожидая отца. Он вошел, скорбный и понурый. Отец, сказал я слабым голосом, мне кажется, что я смогу выздороветь, если ты разрешишь мне заниматься инженерным делом. За твою жизнь и здоровье я готов отдать все, что угодно, ответил отец и, приложив руку к сердцу, торжественно продолжил: обещаю, что ты поступишь в лучшее инженерное училище в мире. И я стану великим инженером, добавил я. Да, мой мальчик! Я был счастлив. Через три дня я уже ходил.

— А буквальное совпадение обещаний не навело тебя на мысль, что без Его участия тут не обошлось?

— Куда же без Него? — рассмеялся Тесла.

— И тебя никогда не посещали сомнения?

— Понимаю, на что ты намекаешь, — ответил Тесла, по-прежнему смеясь. — Конечно, посещали. Мне, воспитанному в ортодоксальной вере, некоторые Его высказывания показались, скажем так, странными. С тех пор я никогда не заключал договора заочно, мне обязательно надо было встретиться с человеком, заглянуть ему в глаза, в душу...

— Поэтому ты выучил наизусть «Фауста» и все время декламировал его?

— Не только поэтому. Я тебе расскажу, позже.

А пока о сомнениях. Чудо исцеления нисколько не убедило меня, ведь я был не хромой, не кривой и не лежал в параличе, я просто беспрерывно дристал, от этого вполне естественным путем излечивались два из трех. Талант же никак не проявлялся. Я поступил в Политехническую школу в Граце, что в восьмидесяти милях от Вены. Как и обещал отец, это было лучшее училище, если не в мире, то в наших краях. В нем, в частности, преподавал Эрнст Мах, наделавший потом много шума в физике и философии. Учился я на «отлично», но для этого, как мы понимаем, не надо обладать особым талантом, вообще никаким. И тогда я стал играть — в карты, бильярд, шахматы. Во всех играх, скажу без хвастовства, я достиг изрядного мастерства, целые толпы людей приходили в ботанический сад, в любимое кафе студентов, чтобы последить за моей игрой. Что я хотел проверить, что и кому я хотел доказать — этого я сейчас уже не понимаю. Тогда, возможно, понимал. Ведь ответил же я отцу, обеспокоенному слухами о моем времяпрепровождении, что могу остановиться, когда захочу, но стоит ли бросать то, за что можно пожертвовать всеми благами рая. Я играл все больше, иногда проводя за столом целые сутки напролет. Я почти всегда выигрывал, но выигранных денег никогда не брал, возвращая их проигравшим. Ответной любезности я не дождался и, попав внезапно в полосу фатального невезения, проиграл все свои сбережения, включая деньги на учебу. Родители компенсировали немалые потери, но я не мог допустить такого. Я обратился с молитвой к Нему, обещая никогда больше не играть, если... Он позволит мне отыграться и вернуть долг родителям. Я поставил

на кон последние деньги и — отыгрался: Если я хотел получить знак, то я его получил. Это был Он, не тот, другой.

Следующего знака пришлось ждать несколько лет. После окончания учебы в Граце, я отучился семестр в университете Чарльза в Праге и...

— Но ты ведь так и не получил диплома?

— Пустая бумажка! Бессмысленная трата времени! Не диплом же позволил мне сделать все мои открытия! И его отсутствие не помешало мне спустя полтора десятилетия получить почётные докторские степени в Йельском и Колумбийском университетах, лучших университетах Америки. Впрочем, я их об этом не просил. Итак, я работал в Центральном офисе телеграфа в Будапеште. Все мои мысли занимала проблема получения и использования переменного тока. Тогда правил бал Томас Эдисон и его система постоянного тока. Но я знал, что будущее за переменным током и что эта задача для меня.

— Знал?!

— Да, это было единственным, в чем я был твердо уверен еще со времени учебы в Политехнической школе. Все остальное составляли сомнения и неустанный безрезультатный поиск. Решение никак не давалось мне. Продолжалось это ни много ни мало четыре года. Я отводил на отдых всего пять часов в день, из них лишь два проводил во сне. И тут вновь пришла болезнь, странная болезнь, по которой врачи не могли поставить диагноз. Мои органы чувств приобрели необычайную чувствительность. Тиканье часов, от которых меня отделяли стены трех комнат, отзывалось в моем мозге ударами тяжелого молота по наковальне. Лежа в постели, я ощущал вибрацию мосто-

вой, когда по ней мимо дома проезжала легкая коляска. Обычная речь воспринималась как страшный шум, а малейшее прикосновение вызывало ощущение нокаутирующего удара. Падающий луч солнца ощущался как внутренний взрыв, какая-то странная чувствительность во лбу позволяла в темноте ощущать предмет на расстоянии в десять шагов. Пульс изменялся от нескольких слабых ударов до бешеного стука в двести пятьдесят ударов в минуту. И все время перед глазами мелькал мой будущий двигатель. Мелькал и пропадал, мелькал и пропадал. Неожиданно болезнь сама собой резко пошла на убыль. Однажды февральским вечером 1882 года мой друг Антони Жигети вывел меня на прогулку в городской парк. Я любовался великолепным закатом и декламировал Гёте:

Смотри: закат свою печать
Накладывает на равнину.
День прожит, солнце с вышины
Уходит прочь в другие страны.
Зачем мне крылья не даны
С ним вровень мчаться неустанно!

Появился голубь и сделал в воздухе кульбит на фоне заходящего солнца. И тут я увидел! Я увидел его — мой двигатель! Он стоял перед моими глазами. Нет, не стоял, он плавно и бесшумно крутился, в одну или другую сторону, повинувшись моим командам. И еще я видел, как в нем вращается магнитное поле, как оно порождает энергию вращающегося якоря, как бегут управляющие импульсы от невидимого переключателя в моей руке. Я видел все!

Энтони рассказывал позже, что я пребывал в каком-то трансе, потом принял что-то возбужденно объяснять ему, рисуя обломком ветки на пыльной до-

рожке какие-то чертежи. Он отвел меня домой. Там я продолжал рисовать. Генераторы, трансформаторы, двигатели, распределители, переключатели, все, что необходимо для работы системы переменного тока, разных систем. Когда я очнулся, оказалось, что прошло два месяца.

В течение моей жизни все это многократно повторялось. Мучительные раздумья, потом — парк, «Фауст», голуби, видение... Все созданные мною устройства представляли передо мной целиком. Я ворвал их и так и эдак, убеждаясь, что они не нуждаются ни в каких доработках и усовершенствованиях. Так же мысленно я испытывал их, гоняя в разных режимах и фиксируя выходные параметры. В сущности, даже эта стадия была излишней, я лишь получал подтверждение того, что устройство работает именно так, как я хотел, задумывая его. Лишь после этого я мысленно разбирал устройство на части и, вызывая по очереди механиков, рисовал им чертежи этих деталей, указывая точные размеры. Они изготавливали детали, я собирал устройство, все идеально подходило, все идеально работало. Мне не нужны были помощники, как Эдисону, который поручал различным группам своих инженеров разработку того или иного блока своих будущих устройств, мне не нужны были многолюдные конструкторские бюро и испытательные лаборатории для доводки изобретения до готового изделия. Мне даже не надо было ничего записывать. Все хранилось здесь, в моей голове. В любой момент я мог и могу хоть сейчас извлечь из глубин памяти точный чертеж любого созданного мною устройства, привести любую техническую характеристику.

— Ты счастливец, Тесла! Мало кто испытывает та-

кие приступы творческого озарения, высшего слияния с Творцом. Иным это выпадает раз в жизни, но этого вполне хватает для величия в глазах человечества. Для тебя же это было обычным способом мышления, способом жизни.

— Тут нечему завидовать. И не такое уж это счастье. Всю жизнь я ощущал себя лишь марионеткой в Его руках, простым проводником Его идей. Я лишь воплощал в металле устройства, которые Он являл мне в виде образов. Невелика заслуга! Я искал собственное я и — не находил. В конце концов я разуверился даже в существовании души. В нас, людях, нет ничего, кроме материи и энергии, а так как материя — это густок энергии, то мы представляем собой лишь энергетические тела. Эти тела имеют одинаковое строение и подвержены одним и тем же влияниям. Это обуславливает сходство реакций и соответствие обычных действий и поступков, на которых основаны все наши социальные и прочие правила и законы. Мы — марионетки, или, в современных терминах, автоматы, которые полностью управляются силами окружающей среды и колеблются, словно поплавки на поверхности воды, но принимают результаты поступающих извне импульсов за проявления собственной свободной воли. Движения и другие совершаемые нами действия всегда направлены на сохранение жизни и, хотя кажутся совершенно независимыми друг от друга, незримо связаны между собой.

— Да, помнится, ты что-то писал об этом. Но мне кажется, что ты сам не веришь в это. Любому человеку свойственно ощущение уникальности его личности, и тебе это свойство должно быть присуще в наи-

высшей степени, ведь ты — действительно уникальная личность.

— Это лишь игра слов. Моя, как ты говоришь, уникальность заключается лишь в том, что я гораздо более чувствительный автомат, чем другие люди, я ощущаю воздействия, к которым другие невосприимчивы, и могу толковать их. Я лишь более утонченный автомат, чем другие, мои отличия от других людей количественные, а не качественные.

— Поэтому ты и стал создавать свои механические автоматы?

— Да, конечно. Сорок пять лет назад, в канун нового века, я решил создать расу роботов, механических людей, которые будут выполнять за человечество все тяжелые работы. Подобный автомат, являющийся моим механическим подобием, должен иметь движущую силу, органы передвижения, органы управления и один или более органов чувств, настроенных так, чтобы он действовал под влиянием внешних стимулов. Движения этой машины, рассуждал я, будут напоминать движения живого существа, так как у нее будут все его элементы. Для создания полной копии остаются еще способность роста, размножения и, главное, ум. Но расти ей необязательно, поскольку машины можно сразу производить, так сказать, в полный рост. А что касается размножения, то о нем тоже можно не заботиться, поскольку для механических моделей оно означает просто-напросто процесс производства.

Будет ли это автомат из костей и плоти или из дерева и стали — не имеет значения, если он сможет делать все то, что требуется от мыслящего существа.

А для этого ему нужен элемент, соответствующий уму, который будет управлять его движениями и действиями и определять его поведение в любых непредвиденных ситуациях. Наделить его таким элементом несложно...

— Ой ли!

— Сконструированные мною аппараты обладали, так сказать, заимствованным умом, они подчинялись моим командам и двигались в соответствии с движениями моих мыслей. Но у меня был готов план, как придать этим автоматам способность к самообучению. Выполняя данные команды, они научатся понимать, что можно и чего нельзя делать, они будут набираться опыта, иначе говоря, копить впечатления, которые будут влиять на их последующие действия.

— И что же помешало тебе претворить этот план в жизнь?

— Люди оказались не готовы к восприятию этих идей, о которых я писал и говорил открыто. Они считали это совершенно недостижимым. А те немногие, кто был склонен считать мое изобретение применимым, были заинтересованы лишь в создании само движущейся торпеды для подрыва военных судов или беспилотного самолета для бомбардировки городов, или ракеты, самостоятельно находящей объект уничтожения. Менялись времена и люди, в цель оставалась прежней — разрушение. Не созидание. Я не хотел и не хочу в этом участвовать.

— Марионетке позволительно иметь желания? — раздался вкрадчивый голос.

— Ты поймал меня! — рассмеялся Тесла. — Ты умен! Не побоюсь сказать: чертовски умен!

— Ты мне льстишь или, если угодно, говоришь истинную правду. Но продолжим о желаниях марионетки. Какие такие силы окружающей среды пробуждают их?

— Не силы, согласен. Голоса. Вернее, голос. Все что-то нащептывает на ухо, соблазняет, искушает... Впрочем, может быть, и сила.

— Понимаю тебя.

...Часть силы той, что без числа
Творит добро, всему желая зла.

— Это нечестная игра! Гёте — мое оружие!

— Ты не обладаешь монополией на Гёте. Я, как и ты, волен использовать его когда захочу. Волен или не волен?

— Волен, волен.

— А ты — волен или не волен?

— Кто ж мне запретит?

— Ага! У марионетки, оказывается, есть еще и воля!

— Ах ты, старый софист!

Глава 8

Главный наследник

Голоса в номере стихли. Представительный мужчина подождал немного, прислушиваясь, потом легонько постучался и тут же нажал на дверную ручку.

Савва Косанович, единственный из всех жителей Земли, имел право беспрепятственного входа к Тесле. Не потому, что он был чрезвычайным и полномочным послом Югославии, родины великого ученого (оборот этот мужчина проговаривал часто, с гордостью и удовольствием). Помимо этого он был сыном

Марицы, младшей сестры Теслы. Только это имело значение.

Косанович окинул быстрым взглядом номер. Дядя при параде, в визитке, на ногах — изящные, сделанные на заказ ботинки, их сужающиеся носы заканчиваются тупым обрывом, верх, скрытый под брюками, доходит до середины икры. На руках — тонкие серые замшевые перчатки. На столике между двумя креслами — корзинка с бутылкой вина (непременно французского и безумно дорогого, подумал Косанович), бокал для вина, бутылка, впрочем, не почата, а бокал стерильно чист. С другой стороны столика стоит наполовину выпитый стакан молока.

Он раскинул руки как бы для объятий, сделал несколько шагов навстречу дяде, остановившись в полуметре. Тесла не только не терпел объятий, он никого не подпускал к себе ближе метра. Расстояние вытянутой руки было признаком интимной близости, такое позволялось только племяннику. Врачи? Тесла никогда не пользовался их услугами.

— Твоими молитвами, Саввушка, — ответил Тесла по-сербски, — спасибо, что навестил всеми брошенного старика.

— Но у тебя, как я вижу, посетитель, — Косанович повел головой в сторону столика.

— Был, — коротко ответил Тесла, усмехаясь.

— Ты нас познакомиши?

— Он ушел.

— Как? — изумился Косанович. — Разве что через окно.

Тесла согласно кивнул и, указав рукой на приоткрытое окно, продекламировал:

Чертям и призракам запрещено
Наружу выходить иной дорогой,
Чем внутрь вошли; закон на это строгий.

— Опять «Фауст», вечный Гёте! Похоже, дядя, ты обдумываешь какую-то новую идею.

— Конечно.

«Быть может, Савва — последний, кто навестит меня на этом свете, — вот о чем думал Тесла. — Так третий ларец — его?»

Мысль эта не вызвала энтузиазма. Тесла любил племянника. Он был внимателен, заботлив, почтителен, искренне восхищался дядей, немало делал, чтобы прославить и увековечить его имя, носился с идеей создания в Белграде музея Теслы и выбил ему вполне сносную пенсию от югославского правительства — шестьсот долларов в месяц. Но он был дипломатом и представлял страну, сшитую из лоскутов всего лишь четверть века назад, раздираемую внутренними противоречиями и к тому же подвергшуюся агрессии нацистской Германии. Он метался между различными сторонами, вовлечеными в эти конфликты, и втягивал Теслу во все эти дела. То он приводит к нему в отель находящегося в изгнании юного югославского короля, то просит подписать обращение к новому коммунистическому лидеру Югославии Иосипу Броз Тито.

— Дядюшка, может быть, ты все же встретишься с Элеонорой? — донесся голос Косановича, подтверждая эти мысли. — Поддержка американского президента нам жизненно необходима.

«Равно как и Черчилля, и Сталина, — неприязнен-

но подумал Тесла, — слава богу, ты не можешь организовать встречу ни с ними, ни с их женами».

Собственную неразборчивость во встречах и контактах Тесла при этом забывал. В течение многих лет он был близок с немецким поэтом и скандальным журналистом Георгом Сильвестром Виреком, по слухам, внебрачным внуком кайзера Германии Вильгельма II. Ярый немецкий националист, Вирек в тридцатые годы перекинулся на сторону Гитлера, став, по сути дела, его американским представителем. Он усиленно обхаживал Теслу, уговаривая его переехать в Германию, где ему будут созданы все условия для работы. Над чем? Тесла понимал без слов: над «лучами смерти».

С тем же подкатывались к Тесле и Советы. Началось это еще при жизни Ленина, который обратился к Тесле с предложением приехать в Россию для внедрения «систем многофазного переменного тока и строительства региональных энергораспределительных станций». Тесла не поехал, уравновесив этим отказ в аналогичной просьбе императору Николаю II. Но в тайное общество «Друзей Советской России» вступил и даже дал кое-какие деньги на помочь голодающим. Во второй половине тридцатых к Тесле зачастил представитель советской внешнеторговой компании Амторг Вартанян. Как-то раз возбужденный слухами Косанович, воспользовавшись благородным настроением дяди, спросил напрямую:

— А правда, что ты продал Советам свои разработки по лучевому оружию за 25 миллионов долларов?

— Какие двадцать пять миллионов?! — всплеснул

руками Тесла. — Ты хоть представляешь себе, что это такое — двадцать пять миллионов?

Большего от дяди добиться не удалось. Жизнь его ни на йоту не изменилась, и Косанович забыл бы об этом случае, если бы Тесла время от времени не подзадоривал его высказываниями типа:

— Армяне — хитрая нация и бывают иногда чрезвычайно убедительны.

Не отставали и прочие. В 1937 году, «в ознаменование восемьдесят первой годовщины рождения», на торжественном ужине, устроенном в его честь, Тесле вручили высшую награду Чехословакии — орден Белого льва и орденскую ленту Белого орла, высочайшую награду Югославии. Тесла только посмеивался, ожидая продолжения. Оно вскоре последовало, начались закулисные переговоры, через несколько месяцев, идя навстречу требованиям Теслы, за одним столом собрались представители военных ведомств США, Советского Союза, Англии, Чехословакии и Югославии. Речь шла о системе коллективной безопасности, основанной на оборонительном щите из установок лучевого оружия, созданного Теслой. После этой встречи он угодил под колеса автомобиля и, с тремя сломанными ребрами, едва добрался до своего отеля. Он счел это знаком свыше и больше не играл в «коллективную безопасность».

Если бы кто-нибудь посмел упрекнуть его в неразборчивости связей и контактах с явными врагами Америки, Тесла бы спокойно ответил: «Я не неразборчив, я, наоборот, очень разборчив. Я никогда не дам мое изобретение, которое может быть потенциально использовано для целей разрушения, какой-то

одной стороне, даже и Америке. Я дам его всем, сделав бессмысленным его смертоносное применение. Если не будет возможности успешно напасть ни на одну страну, войны станут не нужны. Они прекратятся сами собой, и наступит всеобщий мир».

Собственно, он так и говорил во всеуслышанье. И с такой его позицией были вынуждены смириться власть имущие. «Потому что я им нужен и потому что они знают, что я не нанесу вред Америке», — усмехаясь, говорил Тесла. У него было две секретные лаборатории в Нью-Йорке, где он выполнял работы по заказу военных ведомств, одна из них поблизости от отеля, под мостом на Пятьдесят девятой улице, недалеко от Второй авеню. ФБР ничего не могло с ним поделать, кроме как скрупулезно фиксировать его многочисленные встречи с «врагами демократии». Да еще распускать слухи, что Тесла давно не у дел, да и вообще выжил из ума, вы только посмотрите, какие фантастические планы он строит, какой антинаучный бред несет в статьях, выступлениях и интервью газетам.

Сейчас Тесле не было никакого дела до этих мелких подлянок, до власть имущих, до человечества, схлестнувшегося в мировой войне, и даже до его собственных исследований. Он уже распрощался с этим миром, и перед уходом ему оставалось лишь передать последнюю шкатулку. «Выходит что — Савве? — мысли, сделав круг, вернулись все к тому же вопросу. — Но сможет ли он правильно распорядиться документами? Будет ли достаточно терпелив, чтобы ждать годы? Или немедленно взломает замок и, ничего не поняв, передаст документы — кому? Американцам, Советам, Тито? Или безвестному покупателю, который

предложит хорошую сумму? К сожалению, деньги в этом мире решают почти все».

— Я зашел к тебе в частности для того, чтобы сообщить, что я урегулировал эту маленькую финансово-проблему, — сказал Косанович, как нарочно подгадал.

— Какую? — спросил Тесла.

— С оплатой отеля.

— Не знаю такой проблемы.

— Ты полгода не платил за проживание.

— Я и полгода назад не платил. Это ты заплатил этому разбойнику. Зачем?

— Ну как же, дядя, в Америке принято платить...

— Да ты оглянись вокруг, — прервал его Тесла, — большие половины устройств в этом отеле либо изобретены мною, либо работают благодаря моим изобретениям. Да благодаря моим изобретениям владельцы отеля экономят и зарабатывают в день больше, чем стоит мое годичное проживание здесь, так с какой стати мне еще и платить? Это они должны мне платить, но я великодушно не требую с них этого!

— Эх, дядя, дядя, ты сделал столько великих изобретений, но забыл об одном маленьком, но чрезвычайно полезном устройстве.

— Каком? — насторожился Тесла.

— Об аппарате для получения неограниченных сумм денег.

— Вы все просто помешались на деньгах! Вот я никогда не придавал деньгам значения большего, чем они заслуживают. Деньги мне были нужны лишь для выполнения моих исследований, ни для чего больше.

— Но ведь с Эдисоном ты разругался именно из-за денег.

— Как же ты не понимаешь!.. Ведь я тебе тысячу раз рассказывал эту историю! Я приехал из Парижа в Нью-Йорк, к Эдисону, с идеей внедрения моей системы переменного тока. Он даже не пожелал меня выслушать. Он положил мне восемнадцать долларов в неделю и заставил заниматься ремонтом его генераторов постоянного тока, которые постоянно ломались, установкой комнатных ламп накаливания и уличных дуговых ламп. Я терпел три месяца, а потом прямо сказал Эдисону, что способен на большее, что я могу усовершенствовать его устройства. Что ж, сказал он мне, валяй, парень, и если ты сделаешь что-нибудь стоящее, ты получишь пятьдесят тысяч долларов. За полгода я создал двадцать четыре различных вида машин, которые впоследствии стали стандартами и пришли на смену собственным машинам Эдисона. Когда я пришел к Эдисону за заслуженным вознаграждением, он расхохотался мне в лицо. Ты по-прежнему парижанин, сказал он мне, когда станешь настоящим американцем, ты оценишь эту американскую шутку. Я повернулся и ушел, ушел от Эдисона, ушел из компании Эдисона. Дело было не в деньгах, я просто не люблю, когда меня обманывают.

— Но в чем он обманул тебя, дядя? Ведь у вас не было подписанного договора.

Тебе, педанту, нужен чек
И веры не внушает человек?
Но если клятвы для тебя не важны,
Как можешь думать ты, что клок бумажный,
Пустого обязательства ключок,
Удержит жизни бешеный поток?
Наоборот, средь этой быстрины

Еще лишь чувство долга только свято.
Сознание того, что мы должны,
Толкает нас на жертвы и затраты.
Что значит перед этим власть чернил?
Меня смешит, что слову нет кредита,
А письменности призрак неприкрытый
Всех тиранией буквы подчинил.

— Сдаюсь! Сдаюсь! — давно уже кричал Косанович.

— То-то же, — удовлетворенно сказал Тесла. — В любых обстоятельствах вести себя надо по-людски; не ставить деньги и бездушный документ выше человека. Я вот тебе расскажу еще одну историю, хотя ты, конечно, ее знаешь, но лишний раз послушать не грех, может быть, поймешь что-нибудь в конце концов. Как и то, что воожделенный тобой аппарат для производства неограниченных сумм денег у меня все же есть, хотя изобрел его и не я, — и, с усмешкой глядя на напрягшегося племянника, Тесла постучал себя пальцем по лбу. — Вот этот аппарат. К сожалению, по наследству не передается.

— Толку-то, — проворчал Косанович как можно тише.

— Через два года после ухода от Эдисона я подал заявки на тридцать патентов, описывающих всю мою систему переменного тока, и получил их. Еще через год ко мне пришел Джордж Вестингауз, глава «Вестингауз электрик компани». Он предложил мне за эти патенты один миллион долларов наличными. Ты можешь себе представить, что был миллион долларов в 1888 году? Нет, не можешь. Когда после ухода от Эдисона я остался без работы, мне пришлось рыть канавы за два доллара в день, да и у Эдисона я получал немногим больше. Или вот еще один пример. В те

годы грянул финансовый кризис, в Америке они слу-
чаются с пугающей периодичностью, и правительство Соединенных Штатов оказалось на грани банкротства, ему нечем было платить зарплату федеральным служащим, а главное, платить по его обязательствам. Какая сумма, по-твоему, требовалась? Восемь миллионов долларов! И это — правительству Соединенных Штатов!

— И что же? — Косанович даже приподнялся в кресле.

— Деньги правительству дал Пирпонт Морган, — отмахнулся Тесла и продолжил: — Так вот, Джордж Вестингауз дал мне миллион долларов плюс роялти — доллар с каждой лошадиной силы генераторов и двигателей, произведенных в соответствии с этими патентами. Любители считать деньги в чужих карманах подсчитали, что в 1905 году, когда истекал срок действия основных патентов, я должен был получить две-надцать миллионов долларов лицензионных платежей. Почему я их не получил? Потому что через четыре года после заключения нашей сделки разразился очередной финансовый кризис и компания Вестингауза оказалась на грани разорения. Джордж пришел ко мне и без обиняков и извинений изложил ситуацию. Лицензионные платежи лежали на нем неподъемным грузом. И я отказался от них. Все, и ты в том числе, скажете, что я совершил огромную глупость. Но Джордж поверил в меня, когда у других такой веры не было, он и так заплатил за мои патенты беспрецедентную для того времени сумму, и он делал все, чтобы продвинуть мою систему. Как я мог поступить иначе? Вот это я называю: вести себя по-людски. После это-

го в моей жизни случались черные времена, мои отношения с Вестингаузом испортились, и пути наши бесповоротно разошлись, но никогда я не жалел о своем решении. В те дни я понял одну чрезвычайно важную вещь: есть высший закон воздаяния, по которому я получу причитающееся вознаграждение, подавив миру мое открытие.

— Какое вознаграждение? От кого получишь? —
пожал плечами Косанович.

— А ты не догадываешься? От Высшего Судии, который суть справедливость. Щедро даря открытие, я получал от Него возможность сделать следующее, ко мне приходило озарение, в меня вливались силы, меня миновали напасти и невзгоды. Впрочем, о чем с вами, безбожниками, говорить. Я сколько лет пытался, никто не хотел меня понять. Хотя пользовались многие. Любители проехаться на дармовщинку. Ведь с тех пор, как я проникся высшим законом воздаяния, я отказался от какой бы то ни было коммерческой деятельности, сосредоточившись на научной, лабораторной, исследовательской работе. И при этом я никогда не брал платы за свою профессиональную деятельность.

— А у тебя была какая-нибудь иная деятельность? —
усмехнулся Косанович.

— Не было, тут ты прав. Вся моя жизнь была в работе. И я ни от кого не принимал платы за мою работу. Я публиковал в год десятки статей в газетах и журналах, давал пространные интервью на самые разные темы, читал лекции, собирая сотни и тысячи людей, давал консультации, а иногда, увлеквшись какой-нибудь проблемой, месяцами работал в лаборатории

какой-нибудь компании. И за все это я не получал ни цента. А какой конфликт на этой почве возник у меня с моим другом Коммерфордом Мартином, журналистом и редактором «Электрикал Уорлд». В 1893 году он издал книгу «Изобретения, исследования и статьи Николы Теслы», которая и сейчас, почти через пятьдесят лет, числится в списке бестселлеров, — заметил Тесла с гордостью. — Я, конечно, понимал, что Мартин, как издатель, хочет получить на этом некоторую прибыль или хотя бы вернуть вложенные деньги, но я не мог продавать свою книгу, я раздавал ее бесплатно. Это вызвало неудовольствие Мартина, это подрывало его бизнес, — с презрением в голосе сказал Тесла, — он предложил мне выкупить часть тиража и делать с ним, что мне заблагорассудится. Что ж, я занял денег у Мартина, выкупил часть тиража и продолжал раздавать книги бесплатно. Все издатели таковы! С тех пор я не желал иметь с ними дела.

— Но ты принимал десятки и сотни тысяч долларов от Моргана, Астора, Адамса, от правительства, наконец, — сказал Косанович, — и еще ты получал роялти со своих патентов.

— То было не вознаграждение, а инвестиции. Финансисты вкладывали деньги, чтобы получить прибыль. И они получали ее, я же получал возможность продолжать свои исследования. Что же до роялти... Промышленники использовали мои патенты, получали прибыль, это их профессиональная деятельность. Часть прибыли они по справедливости отдавали мне, какое же это вознаграждение за работу?

— Очень тонкая казуистика, — рассмеялся Косанович.

— Приходится, Саввушка, — рассмеялся в ответ Тесла, — верность принципам превыше всего.

— Ох уж эти принципы! Ты бросался в новые проекты, не завершив старые, и инвесторы выходили из твоих предприятий, не дождавшись прибыли и прогнивая тебя на всех углах, — сказал Косанович, пользуясь неожиданно благодушным настроением дяди.

— Ты за них не переживай, эти своего не упускали и все получали сполна. Просто они хотели больше, а я хотел — большего. Я им предлагал всемирную паутину, а им была нужна усовершенствованная мышеловка. Я им предлагал систему беспроводной передачи энергии и информации, включая голос, музыку, изображение, а их интересовала система связи с береговыми судами посредством азбуки Морзе. Для этого есть дилетанты, компиляторы и воры вроде Маркони. То-то они так с ним носились и так его превозносили. Серость тянетесь к серости. А меня они не понимали, не понимали и боялись. Впрочем, некоторые понимали. Пирпонт Морган — старший был великий человек с глобальным мышлением, именно поэтому он понимал и дал денег для строительства первой передающей станции в Уорденклифе. Но чем дальше продолжались работы, тем чаще его, владельца «Дженерал электрик» и бесчисленного множества других предприятий, связанных с производством, распределением и потреблением электрознергии, посещали следующие мысли, которые я ясно читал в его глазах. Как впишется новая система беспроводной передачи и распределения энергии в уже существующую экономическую и финансовую структуру? Будет ли она приносить пользу, не подрывая источники больших

доходов, нежели те, что будет приносить она сама? Как наиболее эффективно контролировать ее эксплуатацию? И можно ли вообще контролировать ее, если любая точка на Земле может стать неограниченным источником энергии для всякого, кто не поленился подключиться к ней с помощью нехитрого устройства? И как собирать плату за электричество? Ответы на эти вопросы если и были, то весьма неутешительные для глобального финансиста. И Морган прекратил финансирование работ, а мои патенты, переданные ему в распоряжение, положил под сукно. Не он один! На заре самолетостроения я утверждал, что двигатели с пропеллером — тупиковый путь, будущее за самолетами с реактивными двигателями и дирижаблями. Первые — там, где нужны скорость и маневренность, вторые — для доставки тяжелых грузов в любые точки земного шара. Не послушали. Что имеем? Медленные, неповоротливые машины и аэродромы с бесконечными взлетно-посадочными полосами, больше похожими на шоссе.

— Но вертолеты Сикорского! — не утерпел Косанович.

— Сикорский из наших, из славян, он придумал нестандартное решение, снабдив мой летательный аппарат вертикального взлета двигателем с пропеллером. Снимаю перед ним шляпу и, присоединяя его вертолеты к списку, остаюсь при своем мнении. А возьмем автомобили. Знаешь ли ты, на чем перевозили посетителей Чикагской выставки 1893 года? На электромобилях! А потом все перекинулись на двигатели внутреннего сгорания. И опять я утверждал, что это — тупиковый путь. Только пожжем почем

зря нефть и задымим атмосферу. Будущее за электрическими двигателями, черпающими энергию из окружающей среды. И за гибридными двигателями, включающими как один из элементов мои газовые турбины. Но Генри Форд был влюблён в свое детище, оно приносило ему колоссальные прибыли, зачем ему нечто принципиально иное? Все дело в прибыли, в сиюминутной прибыли. Но можно воспрепятствовать продвижению изобретения, а мысль нельзя убить. Человечество, вынужданное обстоятельствами или по-взрослому, вернется к моим идеям, воплотит в жизнь мои изобретения. И я увижу это!

Косанович какое-то время беззвучно разевал рот.

— Мы все желаем тебе долгих лет жизни, — выдал наконец он, — но человечество взрослеет так медленно...

«Сказать ему? Намекнуть? — подумал Тесла. — Непременно надо будет. А то у него одни военные секреты на уме. Но не сейчас. В конце, перед самым уходом, его уходом. Запоминается последнее».

— Да, придется запастись терпением, — с улыбкой сказал он и, не удержавшись: — Всем нам. Но ничего, подождем, нам спешить некуда. Ведь мы из рода долгожителей, не так ли? А живем мы долго, в частности потому, что никуда не спешим, это один из секретов долголетия. Запомни это, Саввушка. Лично я с юношеских лет был уверен, что проживу сто пятьдесят лет, так чтобы заглянуть и в новое тысячелетие. И ведь прожил бы! Но у меня украли эликсир жизни, живую воду, aqua vita. А, ушки на макушке! Но ведь ты, насколько мне известно, не пренебрегаешь этим чудес-

ным снадобьем. Да, я имею в виду виски. Я пил его на протяжении многих лет. Это источник очень полезной энергии, а в энергии я немного понимаю. Конечно, не всякое. Американский бурбон вполне может и сократить жизнь, а вот шотландское средней выдержки, лет эдак пятнадцати–восемнадцати... Оно мне напоминало нашу родную самогонку, источник активного долголетия наших предков. И тут, как на грех, объявили «сухой закон». Ты застал фарс, а первое действие было, как водится, трагедией. Это было в начале Первой мировой войны. Мера традиционная, даже Россия с ее бесконечными зимами и трескучими морозами пошла на это, мера вынужденная и для многих категорий населения даже благотворная. Но нельзя же всех стричь под одну гребенку! Я выступил в прессе, назвав этот закон недопустимым нарушением моих гражданских прав. Выступление не возымело действия, наверно, надо было обратиться в Верховный суд. Мне, как законопослушному гражданину, ничего не оставалось делать, как смириться и отказаться от виски, равно как и от вина. Это стоило мне двадцати лет жизни. Боюсь, что больше ста тридцати я не пропячу.

Сказано это было нарочито печальным голосом, но в глазах Теслы мелькали веселые искорки. Заметив их, Косанович тоже настроился на легкий лад.

— Ты лукавец, дядюшка, — воскликнул он, — деньги ему не нужны! Да никто в Нью-Йорке не тратил деньги с такой царственной легкостью.

— Ты не можешь этого знать. Когда ты приехал в Америку, я уже стал по-старчески скуповат.

— Кое-что и я застал, и тем легче поверил в многочисленные рассказы.

— Саввушка, никто не мог сказать, что я бездумно расхвыривал деньги, доставшиеся мне тяжким трудом!

— А кто двадцать пять лет жил в «Уолдорф-Астории», самой дорогой гостинице Нью-Йорка, пристанище герцогов и миллионеров?

— Ну надо же мне было где-то жить. Я же не покупал особняков, что действительно было бы бездумной тратой денег, а всю жизнь, одинокий, скитался по отелям. И что ты имеешь против герцогов? Они, по крайней мере, ведут себя прилично, тихо. Если я сплю два часа в сутки, то я имею право проспать их в тишине. И, кстати, это было совсем не дорого. Верный своим принципам, я тратился только на чаевые и обеды.

— Ага, обеды! Кто вызывал в Уорденклиф лучшего повара Нью-Йорка, чтобы он готовил тебе обеды? — вновь подначил старика Косанович.

— К сожалению, не лучшего, всего лишь шеф-повара «Уолдорф-Астории». Но не мог же я есть абы что, особенно в период напряженной работы. Это была производственная необходимость, не более того.

— А шикарные обеды в той же «Уолдорф-Астории», о которых судачили газеты и домохозяйки и на которые все стремились попасть...

— Естественно, стремились, всеми правдами и не-правдами, — прервал его Тесла, — потому что приглашение на мой обед означало, что человек занимает не просто видное место в обществе, а принадлежит к сливкам высшего общества или обладает каким-то невероятным талантом.

— Это была тоже производственная необходимость?

— Конечно, потому что избранные из избранных отправлялись после обеда в мою лабораторию, где я демонстрировал им свои последние изобретения. Ты можешь предложить лучший способ поиска инвесторов?

Косанович не смог.

— Что же до роскошности обедов, — продолжал Тесла, — то это лишь дань моему перфекционизму. Я никогда и ничего не делаю наполовину. Если уж я устраивал обед, то не оставлял на волю случая ни единой мелочи в том, что касалось кухни, сервировки и обстановки. Я выбирал самую редкую рыбу и птицу, мясо самого превосходного качества, самые изысканные напитки, лучшие марочные вина. Сидя во главе стола, я снимал пробу с каждого подававшегося блюда, и если какой-то соус или вино, неоспоримо высокого качества, казались мне все же недостойными моих гостей, я отвергал их. Должен тебе заметить, что слухи о тех обедах все же сильно преувеличены. Да и продолжалось все это недолго, года два, не больше. Светская жизнь отнимала слишком много времени, отрывала от работы. Я вернулся к уединенному образу жизни, лишь изредка встречаясь с действительно интересными мне людьми: с Марком Твеном, Киплингом, Дворжаком, Пaderевским.

Тесла с отрешенным видом поднял глаза к потолку, его пальцы непроизвольно задвигались, имитируя движения пианиста. Косанович понял, что еще немного — и дядя ударится в воспоминания об исполнении Падеревским Шопена или примется читать наи-

зусть стихи Киплинга, как не раз уже случалось, так что он поспешил вернуть разговор в прежнее русло.

— А слухи о твоих демонстрациях в лаборатории тоже сильно преувеличены? Рассказывали, что они были эффектнее, чем твои обеды. Ты показывал фокусы, граничившие с чудом. Твои гости делились восторженными впечатлениями с газетчиками, те пересказывали их читателям, и те, зачастую далекие от науки люди, тысячами стекались на твои лекции, шли как в цирк — семьями. И ты пойностью удовлетворял их любопытство. Стоял на обширном полотне, сотканном из яростного, спепящего света, твое тело было окружено блистающимиискрами, словно щупальцами осьминога, пучки световых игл расходились от спины. Рассказывали, что, когда ты протягивал руки, живые языки пламени срывались с твоих пальцев, словно мириады крошечных снарядов, с такой скоростью, что, казалось, могли пройти сквозь стены.

— Фокусы! Цирк! — добродушно проворчал Тесла. — В моих показах было не больше фокусов, чем в представлениях Гудини. И готовился я к ним не менее тщательно, придумывал и собирая специальное оборудование, проверял его и репетировал десятки раз. Я ведь никогда не показывал один и тот же эксперимент дважды. Для людей понимающих в каждом из них проступали черты нового изобретения или даже открытия. Непонимающие же видели в них действительно чудо, и в некоторых из них пробуждалось желание разобраться в сути этого чуда. Поэтому я никогда не препятствовал допуску детей и подростков на мои научные лекции. Кто знает, возможно, кто-то

из них, завороженных красивыми опытами, решил посвятить свою жизнь благородному делу науки.

— Хоть убей, дядя, но я до сих пор не понимаю твой трюк с пропусканием через себя тока напряжением в миллион вольт. Ведь это запросто могло убить тебя, — сказал Косанович, улыбнувшись собственному каламбуру.

— Над тобой довлеет стереотип описания этого варварского американского способа казни на электрическом стуле или собственный отрицательный опыт, когда ты получал болезненный удар при прикосновении к оголенному проводу домашней электропроводки. Но ведь ты наслаждаешься солнечным светом, его живительным теплом. А в чем, в сущности, разница между переменным электрическим током и солнечным светом? Только в частоте. У бытового электричества она 60 герц, у световых волн — миллиарды герц. Где-то между двумя этими крайностями электромагнитные вибрации с необходимостью должны утратить свою смертоносность. В электрическом ударе, наносимом организму, есть два аспекта. Первый — разрушение тканей теплом, которое усиливается с ростом силы тока, убивает ведь ток, Саввушка, амперы, а не вольты. Второй — боль, сила которой зависит от частоты тока. Каждый период переменного электрического тока создает отдельный импульс, который передается в головной мозг в виде боли. Я выяснил, что нервы способны реагировать на электрический импульс с частотой до семисот герц, большую частоту мы просто не чувствуем. Совершенно аналогично наш слух не способен воспринимать вибрации с частотой выше пятнадцати тысяч герц, а

глаз не различает световые вибрации выше фиолетовой части спектра. Когда я понял это, то поставил мысленный эксперимент и убедился, что высокочастотные токи не нанесут вреда моему организму. Тогда я просто взял и прикоснулся двумя пальцами к выходным клеммам генератора переменного тока с частотой двадцать тысяч герц. Я не ощутил ничего, кроме быстро нарастающего жара в пальцах. Тогда я пропустил ток через мой трансформатор с воздушным сердечником и увеличил его напряжение в десять тысяч раз, до завораживающего всех значения в миллион вольт, и при этом во столько же раз снизил силу тока, сделав его совершенно безвредным для организма. Я мог спокойно пропускать его через свое тело, от руки к руке или от головы до пят. Но возникла одна довольно неприятная проблема: когда я брался рукой за оголенный вывод трансформатора, в последний момент между проводом и рукой проскаивала искра, которая сильно жалила и обжигала. Тогда я стал прикасаться к выводу металлическим стрежнем, который со стороны выглядел как волшебная палочка. А проскакивающие искры, теперь ясно видимые, только добавляли эффектности демонстрации. В другую руку я брал стальной стержень, и прикасался им к свинцовому диску, и он плавился на глазах присутствующих. Или дотрагивался голой рукой до лампы, и она загоралась без всяких проводов. Или просто протягивал руку в направлении вакуумной лампы, и она вспыхивала ослепительным светом. Фокусы... — усмехнулся Тесла. — Куда ж без фокусов! Фокусы и есть. Я тебе открою страшную тайну: этот ток в миллион вольт не проходил через мое тело. Высокочас-

тотные токи текут по воздуху. Этим и было вызвано свечение вокруг меня во время демонстрации опытов, столь изумлявшее зрителей, а мистически настроенных людей и вовсе повергавшее в священный трепет. Знаешь, мне нравилось ощущение тока в миллион вольт, текущего по поверхности моей кожи, оно вызывало приятное щекотание, нежное поглаживание сродни прикосновению голубиного пуха.

— Что-то мне не верится, что ты делал все это лишь для просвещения и развлечения почтеннейшей публики, — последние слова Косанович произнес томом ярмарочного зазывалы.

— Правильно не верится, — усмехнулся в ответ Тесла, — я же уже говорил тебе, что на моих лекциях, и особенно на частных демонстрациях, в моей лаборатории всегда присутствовали промышленники и финансисты. По сути дела, я рекламировал им мои изобретения. Так уж устроен человек, что потрясти и увлечь его может только чудо. Ведь тот же Вестингауз пришел ко мне после моего выступления перед аудиторией Американского института инженеров-электриков. Но Джордж был специалистом в электротехнике, выдающимся специалистом, а большинство финансистов по своему образованию ничем не отличались от средних обывателей. Им я и являл чудо, множество чудес.

— Да, без рекламы нынче ничего не продашь, — согласно кивнул головой Косанович и, понизив голос, тихо добавил, — даже секреты.

— Я тебя понимаю, я тоже продавал секреты, — сказал Тесла и тут же поправился, чтобы избежать двусмысленности: — Свои секреты. И я старался обер-

нуть их в яркую упаковку. Некоторые мои друзья-журналисты тоже преуспели в этом.

Он замолчал, переведя взгляд на большую фотографию в рамке, висевшую на противоположной стене. На ней была изображена гигантская лаборатория Теслы в Колорадо-Спрингс. Лаборатория походила на большой амбар, собственно, она и была когда-то амбаром. Площадь ее была около девятисот квадратных метров, так что боковые стены не попали в кадр. Высота от пола до потолка — более семи метров. Посередине лаборатории, лишь немного не доходя до стен, стоял круглый деревянный каркас диаметром 23 метра, обмотанный толстым проводом, — гигантская катушка Теслы. Внутри ее на пустом пространстве располагался слева четырехметровый трансформатор, увенчанный сверху большим медным шаром, а справа — несколько приемных устройств различной высоты. От шара к приемникам тянулось множество светящихся линий — электрических разрядов, целый пучок молний. Часть светящихся линий утыкалась в пол, образуя шатер над сидящим в кресле мужчиной в белоснежной рубашке и выставленных напоказ элегантных ботинках, читающим толстую книгу. Внизу фотографии была надпись бисерным почерком: Эксперимент Николы Теслы.

Косанович не сразу сообразил, на что устремлен взгляд дяди. Потом тоже стал рассматривать эту тысячи раз виденную и многократно воспроизведенную в различных изданиях фотографию. Наконец, хлопнул себя ладонью по лбу.

— Так это... — смеясь, начал он.

— Конечно, монтаж, — улыбнулся Тесла, — дело не

в том, что такое невозможно. — И, внезапно посерев, сказал с нажимом: — Все, зафиксированное на фотографиях, хранящихся в моем архиве, сколь невероятным оно бы ни казалось, возможно и имело место в действительности. Но! — Улыбка вернулась. — Не мог я так сидеть в лаборатории. Во время эксперимента я был весь в эксперименте, наблюдал, снинал показания приборов, крутил ручки. Но Мартин счел, что такая композиция будет намного эффектнее. Я бы до такого не додумался!

— Эффектно получилось, — согласно кивнул головой Косанович, — сверхчеловек! Да, дядя, ты всегда любил изображать из себя сверхчеловека. И, признайся, ощущал себя сверхчеловеком, если не самим Господом Богом.

Какой я Бог? Я знаю облик свой.
Я червь слепой, я пасынок природы,
Который пыль глотает пред собой.
И гибнет под стопою пешехода, —

продекламировал Тесла.

— Уничтожение паче гордости, так говорят у нас, — сказал Косанович и украдкой посмотрел на часы.

— Что-то заболтались мы сегодня, — сказал Тесла, не показывая виду, что заметил это движение, — знать, старею, воспоминания о прошлом затмевают настоящее и не позволяют задумываться о грустном будущем. Кстати, о будущем. Всякое в жизни может случиться, то есть понятно, что может случиться со мной. Ты мой единственный наследник. Все мои вещи хранятся... Ну, ты лучше меня знаешь, где они хранятся, потому что платишь за хранение. Но самое ценное, ценное и важное для меня, я храню здесь. — Тесла

вышел в соседнюю комнату и вскоре вернулся с небольшой шкатулкой красного дерева размером чуть больше стандартного листа писчей бумаги с латунным врезным замком. — В этой шкатулке — итог моей жизни и залог жизни будущей, это мое своеобразное завещание и в то же время послание будущим поколениям. Я оставляю ее тебе.

Косанович протянул руки, чтобы взять шкатулку, но Тесла остановил его.

— Нет, нет, не сейчас. Я ее поставлю в сейф, ведь у тебя есть второй ключ от сейфа, и когда я уйду, ты первым делом придешь сюда и заберешь шкатулку. Потом отвезешь ее на родину, ведь ты рано или поздно вернешься туда, и будешь хранить ее всю свою жизнь, а потом передашь... кому захочешь, тому и передашь, и пусть он или она тоже хранит ее всю жизнь.

— Да, дядя, — сказал Косанович, не скрывая удивления, — я сделаю все, как ты говоришь.

Тесла подошел к сейфу, вделанному в стену, открыл его и поставил в самый низ шкатулку. Косанович заглянул ему через плечо. Сейф был пуст, только на средней полке лежал конверт без надписи. «Завещание или копия завещания, — подумал Косанович, — тонковато, конечно, но что ему завещать?»

Провожая племянника к дверям, Тесла вдруг остановился и начал медленно говорить:

— Люди жаждали и жаждут чудес. Но штука в том, что поверить в чудо можно, лишь отключив сознание. Люди думающие не склонны верить не только в чудеса, но в большинстве случаев и в то, что выходит за пределы их знания, непосредственного опыта или круга возможного, начертанного образованием. Все,

что выходит за пределы этого круга, они считают невозможным. Поэтому часто мне приходилось искусственно занижать высоту своих открытий, чтобы создать видимость попадания в круг привычных людям понятий и представлений. Что далеко ходить за примерами: я, как ты знаешь, почти пятьдесят лет занимался проблемой связи с внеземными цивилизациями, с иными мирами, — с нажимом сказал он. — Люди, большинство, называющее себя здравомыслящим, называли меня фантазером и открыто поднимали на смех. У меня есть и последователи, до сих пор пытающиеся установить связь с обитателями Марса. Нет на Марсе никаких обитателей, я это знаю точно, потому что очень сильно продвинулся в моих исследованиях. — Тесла многозначительно помолчал. — Но я был вынужден говорить, что я пытаюсь установить связь с внеземными цивилизациями, потому что люди еще могут как-то принять и переварить это. В отличие от другого... — Тесла вновь замолчал, вперив немигающий взгляд в племянника, потом продолжил, как бы спохватившись: — Что ж я тебя задерживаю! Ты иди, Савва. Но не забывай меня, моих просьб. Надеюсь, ты придешь сюда послезавтра.

— Да, конечно, ведь послезавтра праздник — Рождество.

— Долгих лет жизни тебе, Савва!

В холле отеля Косановича ждал секретарь.

— Мы опаздываем, патрон, — сказал он.

— Да, знаю, но старик заболтался, не мог же я его прервать.

— Как здоровье мистера Теслы?

— Бодр на удивление. Мне бы быть в такой физи-

ческой форме в его возрасте! Но голова начинает сдавать, это мягко говоря. Показывает мне шкатулку, береги, говорит, это самое для меня дорогое, это итог жизни. Я поначалу подумал, что завещание, но потом сообразил, что мемуары, старик давно грозился их написать. Нет чтобы сразу их мне отдать, так он их в сейф запер.

— Мемуары Николы Теслы представляют огромную ценность, — заметил секретарь.

— Они бесценны!

Косанович с секретарем торопливо вышли из отеля. Вслед им, захлопнув блокнот со стенограммой разговора, двинулся человек среднего роста в черных ботинках на толстой каучуковой подошве, сером костюме, мышиного цвета пальто и надвинутой на самые глаза шляпе. Неприметность человека бросалась в глаза. «ФБР», — дружно подумали обитатели, посетители и служащие отеля, провожая его взглядами.

Глава 9

Приключения посыльного

Карриген пребывал в замешательстве. С одной стороны, он точно знал, что Марк Твен умер много лет назад. С другой стороны, мистер Тесла сказал, что он третьего дня читал ему свой роман, как бишь его, «Таинственный незнакомец». Карриген благоговел перед Теслой. Старик, конечно, был со странностями, с большими странностями, хотя, если вдуматься, не такими уж и большими с учетом возраста, скорее следовало удивляться тому, что он дожил до такого воз-